

БЕРЛИН, 5 ОКТЯБРЯ 1974 ГОДА

Торжественное заседание, посвященное 25-летию Германской Демократической Республики. На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

НАШ ОБЩИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 42 (2467)

12 ОКТЯБРЯ 1974.

«Сегодня Германская Демократическая Республика – это сильное и процветающее социалистическое государство, активный и авторитетный участник международной жизни. Все нации социалистического мира по-братски гордятся достижениями своих немецких товарищей».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВА на торжественном заседании в Берлине 6 октября 1974 года.

Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

ПРАЗДНИК

Торжественно отметила Германская Демократическая Республика свое 25-летие. По приглашению ЦК СЕПГ, Государственного совета и правительства ГДР на празднование этого юбилея в Берлин прибыла советская партийно-правительственная делегация во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

В составе делегации — член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР А. А. Гречко, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, первый секретарь ЦК Компартии Литвы П. П. Гришкявичус, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, член ЦК КПСС, посол СССР в ГДР М. Т. Ефремов. С делегацией прибыли помощники Генерального секретаря ЦК КПСС член ЦК КПСС К. В. Русаков и член Центральной ревизионной комиссии КПСС А. М. Александров.

На аэродроме Шенефельд, украшенном государственными флагами СССР и ГДР, приветственными транспарантами, товарища Л. И. Брежнева, членов делегации встречали Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР В. Штоф, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР Х. Зиндерман и другие товарищи.

Столица ГДР оказала советским гостям сердечный, братский прием.

В теплой, товарищеской обстановке Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу высшую награду Германской Демократической Республики — орден Карла Маркса.

«Вручая эту высшую награду социалистического немецкого рабоче-крестьянского государства,— сказал товарищ Э. Хонеккер,— партийное и государственное руководство Германской Демократической Республики чествует товарища Леонида Ильича Брежнева за его выдающиеся заслуги в борьбе за торжество идей марксизма-ленинизма, в деле укрепления мощи и единства содружества социалистических государств, укрепления боевого союза между КПСС и СЕПГ, дружбы и братского всестороннего сотрудничества между народами СССР и ГДР».

6 октября в зале имени Вернера Зееленбиндера состоялось торжественное заседание Центрального Комитета СЕПГ, Государственного совета ГДР, Совета Министров и Национального совета Национального фронта ГДР, посвященное двадцатипятилетию образования Германской Демократической Республики.

Вручение награды Л. И. Брежневу.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя собравшиеся встретили Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, Первого секретаря ЦК СЕПГ Э. Хонеккера, Председателя Государственного совета ГДР В. Штофа, Председателя Совета Министров ГДР X. Зиндермана, членов советской партийно-правительственной делегации. Вместе с ними в президиуме — члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК СЕПГ, другие партийные и государственные деятели ГДР.

С большой речью, посвященной 25-летию Германской Демократической Республики, выступил тепло встреченный присутствующими Первый секретарь ЦК СЕПГ товарищ Э. Хонеккер.

С речью на торжественном заседании выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Под бурные аплодисменты он передал президиуму торжественного заседания текст приветствия Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР.

В своей речи товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Мы, советские люди, высоко ценим, что дружба со Страной Советов стала неотъемлемой частью интернационалистской политики СЕПГ и Германской Демократической Республики, что она близка сердцам миллионов граждан вашей страны. Будьте уверены, дорогие товарищи, что советский народ испытывает к вам такие же добрые чувства».

Вечером 6 октября при свете факелов по центральной улице Берлина — Унтер ден линден прошли колонны юношей и девушек в форме Союза свободной немецкой молодежи. Участники шествия горячо приветствовали находящихся на центральной трибуне товарищей Э. Хонеккера и Л. И. Брежнева. Марш молодежи вылился в манифестацию верности делу рабочего класса и его марксистско-ленинской партии.

По случаю 25-летия ГДР 7 октября на главной магистрали Берлина — Карл-Маркс-аллее состоялся военный парад. На центральной трибуне присутствовали партийные и государственные деятели ГДР во главе с Э. Хонеккером, советская партийно-правительственная делегация во главе с Л. И. Брежневым, гости из разных стран. В четком строю прошли подразделения всех видов вооруженных сил, была показана военная техника. Парад в Берлине продемонстрировал готовность Национальной народной армии ГДР плечом к плечу с братскими армиями стран Варшавского Договора защищать социалистические завоевания трудящихся республики, стоять на страже мира.

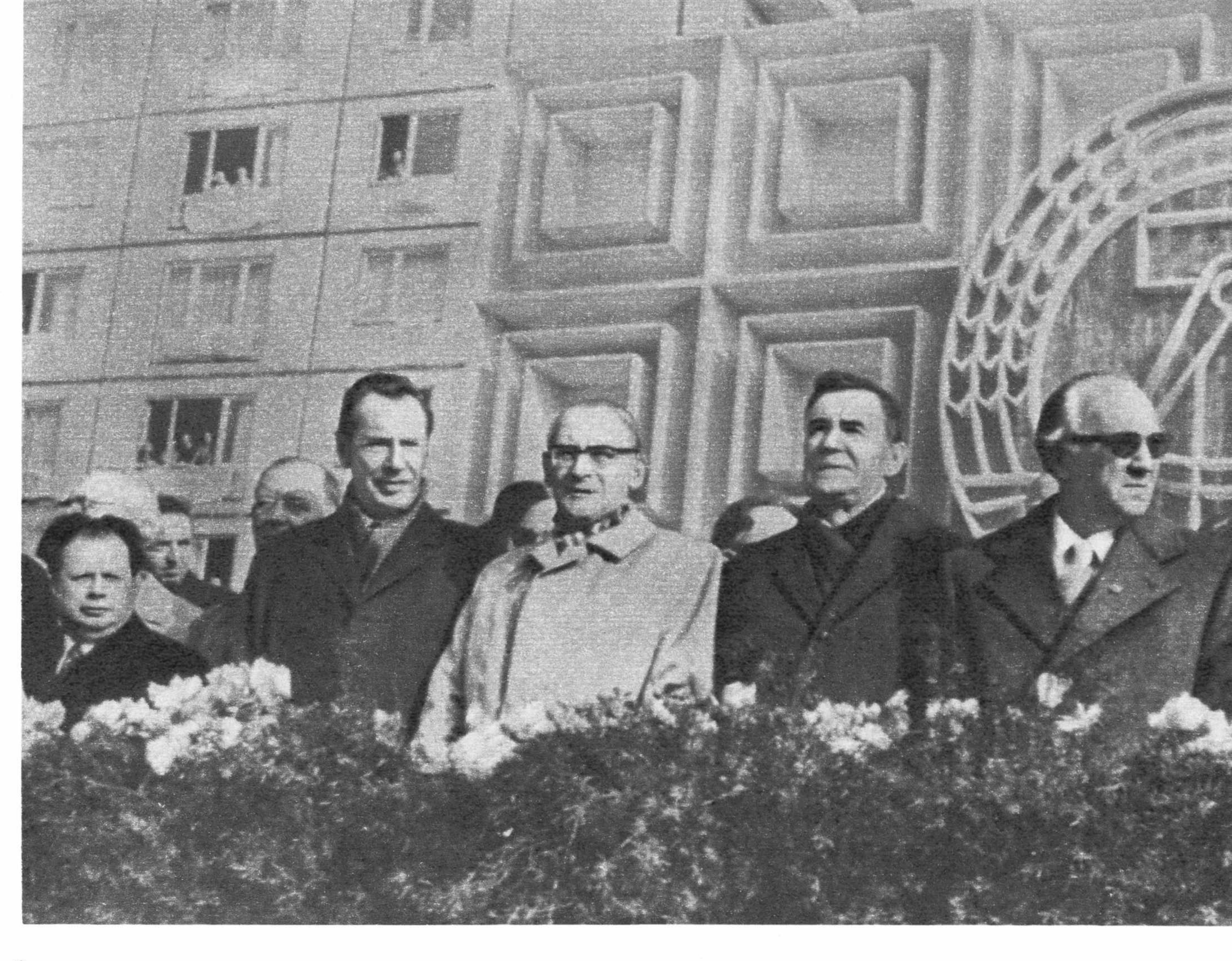
После окончания парада члены советской партийно-правительственной делегации совершили поездку по улицам и площадям праздничного Берлина. Товарища Л. И. Брежнева и других советских гостей тепло приветствовали тысячи берлинцев.

В тот же день состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева и Первого секретаря ЦК СЕПГ товарища Э. Хонеккера, прошедшая в атмосфере сердечности, дружбы и полного единства взглядов.

Берлин приветствует дорогих гостей.

Трептов-парк. Возложение венков к монументу советским воинам.

Фото специального корреспондента «Огонька» А. Награльяна.

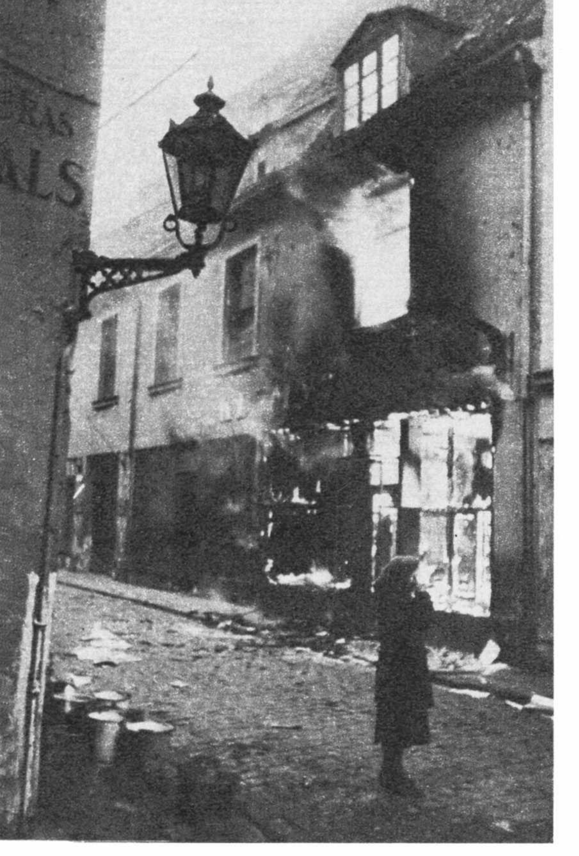
Марш молодости республики — факельное шествие.

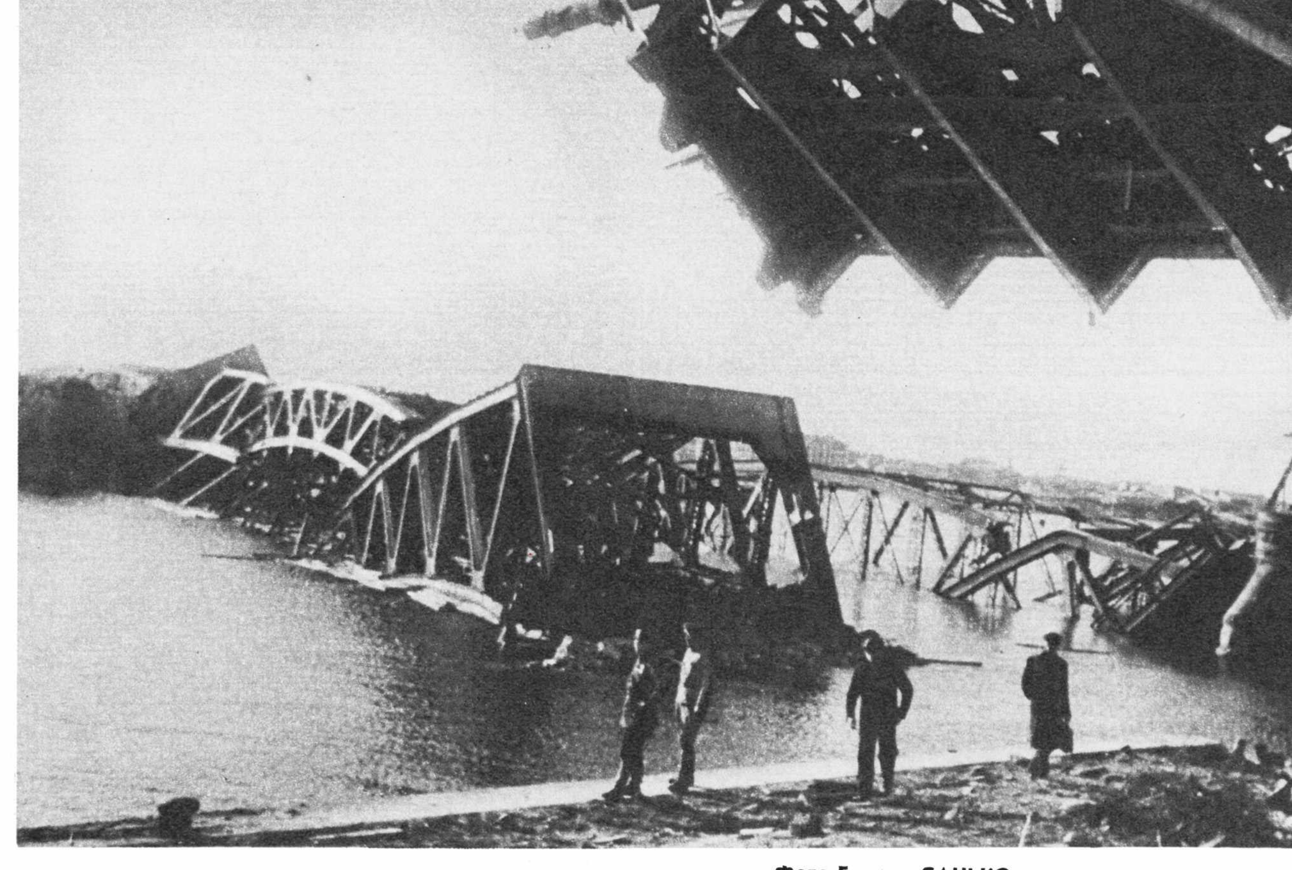
Фото А. Награльяна.

Берлин, 7 октября 1974 года. На центральной трибуне во время парада.

Телефото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС).

Национальная народная армия ГДР — надежный щит родины.

Рига, 13 октября 1944 года.

Фото Галины САНЬКО.

МЫ ВЕРНУЛИСЬ, Р

Столица Латвии сегодня.

Фото Виктора ЯКОБСОНА.

Пожелтевшие от времени газетные страницы. Сводки осени сорок четвертого. До нашей Победы всего семь месяцев. Еще целых семь месяцев. Советская Армия громит врага на всех фронтах от Баренцева моря до Балкан: на территории Югославии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польши. Наши дивизии вышли на границу с Германией. Группа армий «Север» под ударами наших войск откатывается все дальше на запад. Наконец, взята Рига, последняя из столиц союзных республик, оккупированных врагом в сорок первом.

— Расскажите, как это было,— прошу Михаила Васильевича Рудакова, генерал-лейтенанта запаса, бывшего члена Военного совета 3-го Прибалтийского фронта, части которого первыми ворвались в столицу Латвии.

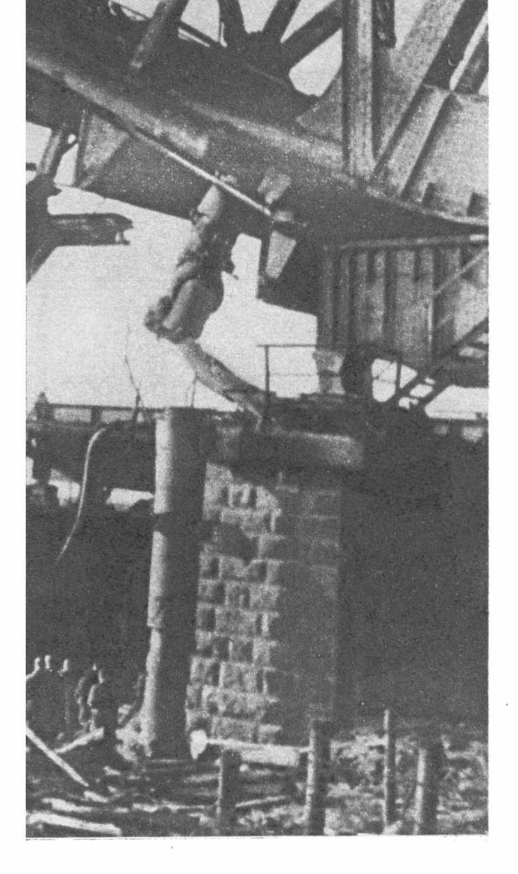
— Освобождение Риги — только часть стратегической операции за освобождение Советской Прибалтики, которую провели летом и осенью 1944 года войска Ленинградского, 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов и Краснознаменный Балтийский флот.

К началу наступления советских войск в Прибалтике противостоявшая нам фашистская группа армий «Север» насчитывала 56 дивизий и три моторизованных бригады.

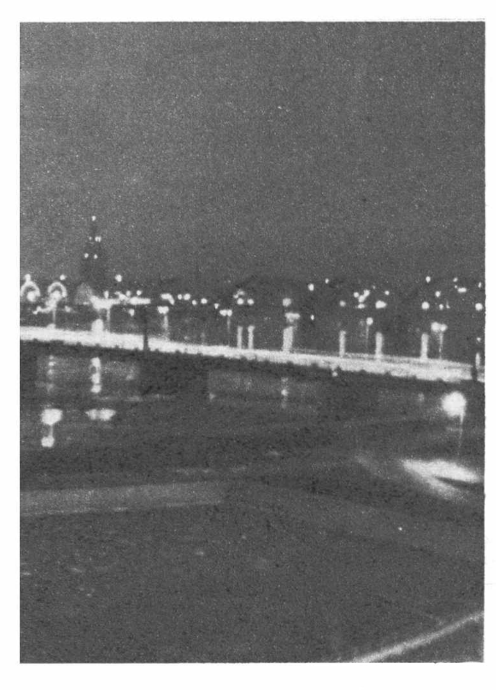
Перевес в живой силе и технике был на нашей стороне. Но противник опирался на заранее подготовленную систему обороны.

Наш 3-й Прибалтийский фронт был создан в середине апреля 1944 года. Уже тогда было ясно, что главное направление его наступления — Рига. Но до освобождения столицы Латвии было еще далеко. В полосе наступления фронта оккупанты удерживали восточный берег реки Великой, стояли в Пскове и Острове.

В начале июля командование

ИГА

фронтом прибыло в Ставку, где мы обсудили, а потом закончили разработку Псковско-Островской операции.

— Какой была ее главная цель?

— Освобождение городов Пскова и Острова, прорыв заранее подготовленной вражеской оборонительной линии «Пантера», проходившей по берегу Великой.

Задача эта была сложной. Здешняя местность — леса, озера, болота, реки — очень удобна для ведения долговременной обороны. Наступающим трудно маневрировать своими войсками, трудно вводить в прорыв главный ударный кулак — механизированные части. К тому же еще до подхода ко второй полосе обороны «Пантеры» мы должны были израсходовать немало сил на прорыв первой линии обороны и форсирование реки Великой. Другими словами, если бы мы пошли напролом, в тяжелых боях наши наступательные возможности могли иссякнуть задолго до решения основной задачи.

И тогда Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин спросил, нет ли у нас какого-нибудь плацдарма на западном берегу Великой, чтобы использовать его для сосредоточения сил и удара непосредственно по «Пантере». Заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов сказал, что такой плацдарм есть у 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта. Верховный предложил передать нашему фронту и этот плацдарм и саму армию.

Два дня ушло на разработку плана Псковско-Островской операции. 5 июля ее обсудили и утвердили в Ставке. И мы — командующий фронтом генерал армии Масленников И. И., начальник оперативного Управления фронта, генерал-майор С. С. Броневский и я — выехали к себе, в район Порхова, чтобы на месте готовить войска фронта к наступлению.

— Таким образом, ваш фронт вошел в Прибалтику несколько позже соседей?

— Да, 4 июля 1-й Прибалтийский еще в ходе Белорусской операции вступил на территорию Литвы. И через девять дней освободили Вильнюс. А 10 июля 2-й Прибалтийский нанес удар на участке Резекне — Мадона.

Мы начали наступление южнее Псковского озера семнадцатого июля. Взяв Псков и Остров и прорвав оборону противника на этом направлении, наши армии вступили в Эстонию и Латвию. 25 августа они освободили Тарту, подошли к Валге.

— И тогда перед вами открылся прямой путь на Ригу? Оставалось сделать последний рывок...

— На карте этот путь действительно выглядит прямым и коротким. Но только на карте...

На Рижском направлении перед нашими войсками находились три оборонительных рубежа противника. Первым был рубеж «Валга», имевший две полосы обороны глубиной 10—12 километров. Вторым «Цесис», находившийся километрах в 80 от переднего края: одна сплошная траншея с оборудованными огневыми позициями. В 25—40 километрах от него проходил третий рубеж — «Сигулда», который имел две оборонительных полосы и три промежуточных позиции. Кроме того, в районе самой Риги были созданы оборонительные обводы...

И опять ко всему нужно добавить рельеф местности, который способствовал обороняющимся и сковывал действия наступающих. Лично я все это хорошо представлял задолго до операции: служил в Прибалтике перед войной, а летом сорок первого отступал лесной глухоманью от границы с Восточной Пруссией к Полоцку.

Так подробно об обороне врага я говорю не только из профессиональной привычки кадрового военного. Даже неспециалист, узнав, что́ противопоставил противник нашему наступлению в Прибалтике, может понять, какого мужества и героизма потребовало от советского солдата ее освобождение, может оценить мастерство и талант советских полководцев...

— Что определило успех операции?

— Наше умение воевать. К сорок четвертому году мы не только научились делать прорывы вражеской обороны, окружать его группировки, а потом уничтожать их. Мы научили противника со страхом относиться к нашим «котлам», к самой возможности оказаться в «мешке». И это помогало нам побеждать.

На первом этапе операции в Прибалтике наши войска к концу сентября полностью освободили материковую Эстонию. Спасшиеся от уничтожения и плена гитлеровцы частью бежали на острова Моонзундского архипелага, частью отступили к Риге. Гитлеровское командование решило, что именно теперь 1-й Прибалтийский фронт нанесет главный удар в сторону латвийской столицы, и спешно укрепляло свои позиции на этом направлении. А фронт на самом деле только имитировал подготовку наступления на Ригу. За шесть суток он скрытно перегруппировал свои главные силы в район Шяуляя и пятого октября нанес удар в направлении Клайпеды. Через пять дней наши войска вышли к берегу Балтийского моря севернее и южнее этого важного морского порта.

— Таким образом, гитлеровская группа армий «Север» оказалась отсеченной от Восточной Пруссии и всей остальной Германии?

— Да. Противник пытался восстановить положение, даже снял с Рижского направления некоторые свои части, чтоб ликвидировать прорыв. Но было поздно. Угроза расчленения всей группировки с последующим окружением и уничтожением этих войск заставляла врага в спешке принимать решения, которые позволяли ему еще сопротивляться, в какой-то мере оттягивали окончательный разгром, но остановить наше наступление уже не могли.

К 11 октября 67-я и 61-я армии нашего фронта вышли непосредственно к Риге с северо-востока и востока, 1-я ударная армия — с юга. По западному берегу Даугавы наступали войска 2-го Прибалтийского фронта, в состав которых входил 130-й Латышский стрелковый корпус.

С северо-востока и востока Рига прикрыта Киш-озером и озером Юглас. Попытка нашей 61-й армии ворваться в город вдоль Псковского шоссе по узкому дефиле между этими озерами успеха не имела. Немцы создали на перешейке мощную противотанковую и противопехотную оборону и сопротивлялись отчаянно. Это и понятно. Отступая к Риге под ударами наших армий, враг сосредоточил в городе большое количество живой силы и техники. Гитлеровское командование все еще надеялось на чудо и разрешило отвод этих войск на западный берег Даугавы только с вечера 12 октября. Все переправы через реку были забиты техникой. А саперы спешно минировали главные здания и предприятия города.

Мы могли бы пойти на решительный штурм, и, я уверен, он увенчался бы успехом. Ведь на этом участке у нас было сосредоточено до 300 стволов артиллерии на один километр фронта. Мы могли взять Ригу таким способом, но город бы пострадал. И тогда созрело иное решение.

119-му стрелковому корпусу генерала Н. Н. Никитина, который вышел на берег Киш-озера в районе Яунциемса, был придан 285-й отдельный моторизованный батальон особого назначения, которым командовал подполковник Киселев. Батальон имел 76 автомобилей-амфибий, автоматчиков, саперов, минометчиков, и главное — у этой части был опыт форсирования водных преград.

Киш-озеро в этом месте широкое, километра три, и гитлеровцы считали эту водную преграду своей надежной защитой, а потому не особенно укрепили его западный берег. Когда к вечеру 12 октября наши амфибии при поддержке огня самоходок перебросили через озеро первую группу десантников, она, сломив сопротивление вражеского заслона, сумела захватить в Межапарке небольшой плацдарм. При подходе следующих эшелонов десантников этот плацдарм расширялся, и к пяти часам утра 13 октября через озеро была переброшена основная часть бойцов 374-й и 376-й стрелковых дивизий.

Когда противник обнаружил в тылу своей обороны наши войска, он начал спешно отходить к реке. Это позволило и 61-й армии ночью двинуться вперед. Поняв, что «на плечах» отступающих мы ворвемся в Задвинье, гитлеровцы в половине второго ночи взорвали все переправы через Даугаву, взорвали вместе со всей техникой и людьми, которые в это время на них находились. Успели они подорвать и некоторые из заминированных зданий, другие — поджечь. Но полностью осуществить свой план по уничтожению предприятий и важных сооружений города они не успели.

К утру все правобережье, основная часть Риги, было освобождено.

— Когда вы сами вошли в город?

— Днем тринадцатого. Вместе с начальником политуправления фронта генерал-лейтенантом Лобачевым мы проехали на «виллисе» по улицам города. До войны я бывал в командировках в Риге — тогда тут находился штаб Прибалтийского военного округа,— так что немного знал город. Едем с Лобачевым, а я и узнаю и не узнаю знакомые улицы. На мостовых лежат убитые. Разбитые дома. Пожарища. Кое-где еще постреливают, и на улицах совсем нет народа. Остановим машину, вдруг откуда-то из подворотни выйдет человек, из подвала — другой. Потом — их соседи. И вот уже тебя окружает толпа: расспросы, улыбки, слезы — наши пришли. Знакомая картина. Я видел ее всюду, где приходилось освобождать оккупированные города: в Подмосковье, под Сталинградом, в Днепропетровске, Одессе, Пскове, а теперь вот в Риге.

— А что было дальше?

— Выбили немцев из Задвинья. Вышли к Приедене. Полоса нашего фронта сократилась до 12 километров, и впереди было Балтийское море. Ставка решила расформировать Управление 3-го Прибалтийского, а его войска передать другим фронтам, в частности 2-му Прибалтийскому, который блокировал остатки группы армий «Север», так называемую курляндскую группировку. Ну, а я вскоре получил направление в 1-й Прибалтийский фронт, который штурмовал Восточную Пруссию.

— И заканчивали войну почти там же, где ее начали...

— Да. Мы вернулись. С победой.

Беседу вел Леонид ПЛЕШАКОВ.

ЗНАМЯ СВЕТА

Валентин **СИДОРОВ**

9 октября исполнилось сто лет со дня рождения великого русского художника Николая Константиновича Рериха (1874—1947). Народы Советского Союза и Индии отмечают эту дату как праздник советско-индийской дружбы, ибо жизнь и творчество художника безраздельно были отданы единению двух великих стран. Журнал «Огонек» в № 28 за 1973 год опубликовал статью «Русский друг Индии», посвященную жизненному пути художника. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей отрывок из книги Валентина Сидорова «На вершинах». Здесь собраны высказывания Рериха о творчестве. Легко убедиться, что они не представляют лишь академический интерес.

Книгу стихов Рериха, изданную при жизни художника, предваряет эпиграф:

«Поверх всяких Россий есть одна незабываемая Россия.

Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь.

Поверх всяких красот есть одна красота, ведущая к познанию Космоса».

Несомненно, здесь есть ключевое слово, к которому, как к магниту, тяготеет вся поэзия возвышенных строк Рериха. Это слово — Россия. Тогда не были еще написаны стихи Кедрина, что так созвучны эпиграфу и проясняют его сокровенную мысль: «Я теперь понимаю, что вся красота — только луч того солнца, чье имя — Россия!»

К России обращены все мысли художника. Россия — солнце и сердце державы Рериха. И есть что-то знаменательное и символическое в том, что первый космонавт Земли Юрий Гагарин сказал о просторах Вселенной, впервые непосредственно открывшихся человеческому взгляду:

— Необычно, как на полотнах Рериха.

Под пером Рериха традиционные, в какой-то мере стершиеся понятия обретают духовную окрыленность. Словно птица Феникс, они воскресают из пепла, утверждая свою первозданность. Слово «культура», которому художник придавал организующую и преобразующую роль, он разбивал на два корня. Культ (почитание) и Ур (свет). «...культура есть почитание света. Даже травы и растения к свету стремятся. Как же одушевленно и восторженно нужно стремиться к единому Свету людям, если они считают себя выше растительного царства».

Не знаю, верно ли это определение с точки зрения лингвистики, но оно верно по светящемуся существу своему.

«...множество людей полагает вполне возможным замену слова Культура цивилизацией... Казалось бы, совершенно ясно, что каждая страна проходит степень общественности, то есть цивилизации, которая в высоком синтезе создает вечное неистребимое понятие культуры. Как мы видим на многих примерах, цивилизация может погибать, может совершенно уничтожиться, но Культура в неистребимых духовных скрижалях создает великое наследие, питающее будущую молодую поросль».

По мнению Рериха, разница между двумя понятиями принципиальна. Условные формы цивилизации зависят даже от проходящей моды. Культура, возникнув и утвердившись, уже неистребима. Одна цивилизация, «один белый воротник, гольф и телефон не есть устои культуры». Рерих не без сарказма пишет:

«Каждый производитель стандартных изделий, каждый фабрикант, конечно, является уже цивилизованным человеком, но никто не будет настаивать на том, что каждый владелец фабрики уже непременно есть культурный человек. И очень может оказаться, что низший работник фабрики может быть носителем несомненной культуры, тогда как владелец ее окажется лишь в пределах цивилизации».

Одним словом, «цивилизация обозначает нечто в пределах внешней общественности, но культура прежде всего имеет в виду духовные ценности». Из печального и трагического опыта современной ему буржуазной действительности художник сделал ясный, решительный вывод.

«Будут всегда колебаться условные ценности. Неизвестно, какой металл будет признаваем наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем незыблемым и всемирным. Целые страны живут этими сокровищами... без преувеличения сокровища культуры являются оплотом народа».

Культура, как свет, что зашифрован в начертании самого слова, понятие всепроникающее.

«Лишь в невежестве мы думаем, что Прекрасное суждено только богатым и недоступно трудящимся. В превратном мышлении мы, пожалуй, придем к опасному заключению, что Прекрасное есть не что иное, как роскошь. Нужно раз навсегда понять, что одухотворяющая сущность Прекрасного не имеет ничего общего с роскошью. Прекрасное это не есть праздничный отдых, это не есть гость случайный. Прекрасное — это благородный водитель всей нашей жизни!

...Знамя культуры все равно, что знамя труда. Знамя беспредельного познавания прекраснейшего! Какова бы ни была наша каждодневная рутинная работа, мы, отойдя от рабочего станка, омываемся, стремясь на праздник культуры. Сойдутся ли в этом празднике трое или соберутся тысячи, это будет все-таки тот же праздник Культуры, праздник победы духа человеческого».

«Свет побеждает тьму!» — не раз во всеуслышание заявлял Рерих. «Сущность духа народного гораздо сильнее выпадов невежества. Имея дело с массами, в сердце своем устремленными к знанию и красоте, мы можем оставаться оптимистами».

«Культура... есть служение Свету».

«Культура не может цвести без энтузиазма. Культура окаменеет без огня, верности и преданности. Культура обеднеет без ежедневного труда, без сознательного приношения. Культура умолкает там, где сердце немо. И что может быть прекраснее, нежели мирный, всепонимающий язык сердца? Не мечтатели мы. Повторяем, когда мы говорим о культуре, мы все реалисты, позитивисты, для которых прогресс человечества особенно драгоценен и неотложен».

«Тот, кто решается сказать: «К черту культуру», есть величайший преступник. Он есть растлитель грядущего поколения, он есть убийца, он есть самоубийца».

«Что у меня есть самое любимое? Самое дорогое? Красота»,— не раз повторял Рерих. В одной из передач делийского радио он говорил: «Не опасайтесь твердить о Красоте. Необходима поливка Сада Прекрасного. Засуха погубит все живое».

Красота с большой буквы (как пишет нередко Рерих) имеет свою довольно сложную историю. Порой это слово насыщали мистическим смыслом. Иногда оно становилось отвлеченным и безжизненным символом. А иногда звучало всеохватно: «Прекрасное есть жизнь!»

Не будем сосредоточивать внимание на его внешнем начертании. Посмотрим, каким духовным содержанием обеспечено это слово у художника.

«В красоте — не сентимент, но реальность, мощная, подымающая, ведущая,— считал он.— Но не блеснет красота подслеповатому глазу. Нужно захотеть увидеть красиво. Без красивости, но в величии самой красоты. Счастье в том, что красота неиссякаема. Во всяком обиходе красота может блеснуть и претворить любую жизнь.

Счастье — в радости. Радость — в красоте».

Красота для Рериха — это внутренний свет человека, пробудившегося к творческому действию. Известно, что слова «Любовь, Красота, Действие» художник считал формулой международного языка. Эти понятия для него не существуют порознь. Для Рериха они живут в диалектическом единстве. Неназванные, они обязательно присутствуют, если речь заходит о том или ином собрате их содружества. И неспроста триаду замыкает энергичное слово «Действие», зовущее к труду и духовному напряжению. «Любовь без дел мертва». Красота утверждается руками человеческими: «Поистине обязанность наша — вводить Прекрасное... всюду».

«Миру предстоит славное строительство,— словно заглядывая в будущее, говорит Рерих.— Подрастающее поколение вне всяких повседневных нужд должно готовиться к подвигу истинного, веселого труда».

В словах торжественных и возвышенных Рерих возвещает «радость, сужденную всему миру». «Час утверждения Красоты в жизнь пришел,— считает он.— Пришел в восстании народов. Пришел в грозе и молнии».

Тайну и красоту познания для Рериха олицетворяет традиционный образ сказочных врат. Этот аллегорический образ обретает у него вещественность и конкретность, а символ превращается в указание практического характера.

Н. Рерих (1874—1947 гг.). ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ.

ЗАВЕТ УЧИТЕЛЯ.

Н. Рерих. БОГАТЫРИ ПРОСЫПАЮТСЯ.

ПАРТИЗАНЫ.

«Во всех сказках мы слышим о закрытых вратах, о скрытых Сокровищах, которые могут быть открыты лишь чудесным, сужденным ключом». Этот чудесный, сужденный человечеству ключ — красота творческого труда. «Какое прекрасное слово — «творчество»! — пишет Рерих.— На разных языках оно звучит зовуще и убедительно. Оно в самом деле уже говорит о чем-то скрыто возможном, о чем-то победительном и убедительном. Люди радуются этому слову, как символу продвижения... Оно ведет за собою человечество». Оно, уверял художник, «имеет воистину космическую значимость, ибо что такое красота, ведущая к познанию Космоса? Это и есть творчество».

Проявления творчества многообразны, как бесчисленны разнообразные проявления жизни. Они не замкнуты в строгие границы определенных форм искусства и не привилегия гигантов духа: «Говоря о творчестве, об искусстве, я не имею в виду лишь великих выразителей: не только о Вагнерах, о Шаляпиных, о Рембрандтах идет речь. Каждый искренний вклад подлинного устремления духа вносит убедительность и струю свежего воздуха».

Каждая истинная работа имеет свою красоту, говорит Рерих, всем стилем своей жизни утверждая незыблемость сказанного. По свидетельству современника, он с одинаковым интересом и энтузиазмом подходил как к малым, так и к великим вещам. Рисовал ли он великолепный гималайский пейзаж или писал краткую статью для школьного журнала, он уделял им одинаковое внимание и заботу.

Но важна не только форма творческого выражения сама по себе. Девиз художника, который он повторял как лозунг: «Качество, качество, качество! Во всем и всегда! Доброкачественность мысли, доброкачественность воображения, доброкачественность в исполнении...» Вопрос о качестве перерастает для него в вопрос нравственный, имеющий непосредственное отношение к личности творца и его духовному миру. «Пути совершенствования и высокого качества в существе своем лежат вне рук торгашествующих. О качестве мыслит молодое сердце, пока не загрязнено. По каким бы закоулкам ни вздумало бродить человечество, процесс качества все-таки будет совершаться! Все-таки совершится, ибо подвижничество живет в сердце...»

В одном из стихотворений художник писал:

Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знанье. Знамя света
над тобою блещет!

«Люди часто отучают себя от радости. Они окунают свое мышление в такие темные, тенистые застои, что на каждый привет подозрительно ответят: «Нам ли радоваться?» Да, милые мои, именно вам. Не может быть такого положения, в котором бодрый дух не увидел бы просвета.

...Каждая радость уже есть — новый путь, новая возможность. А каждое уныние уже будет потерею даже того малого, чем в данный час мы располагали. Каждое взаимное ожесточение, каждое рощение обиды уже будет прямым самоубийством или явною попыткою к нему».

Радость — это особого рода мудрость. Мудрость творческая, преобразующая. Радость, выявленная созидательным духом человека,— это уже оружие света; она, как гласит древняя мудрость, сила непобедимая.

Реализм в искусстве для Рериха — исходный пункт не только его эстетической, но и этической программы. Мерой его оценки не раз служили слова Веласкеса: «Не картина, но правда».

«Для подлинного творчества реализм есть исходное восхождение,— говорил Николай Константинович.— Иначе всякие паранойные тупики не дают возможности новых нарастаний. Без движения не будет и обновления, но новизна должна быть здоровой, бодрой, строительной.

Холодно жить в абстрактных домах. Не питает абстрактная пища. Видали жилища, увешанные абстракциями... Жуткие предвестники! Довольно! Человечество ищет подвига, борется, страдает... Сердце требует песни о прекрасном. Сердце творит в труде, в искании высшего качества».

Художник был уверен, что только реализм утверждает подлинную свободу творческого духа. Все остальное — иллюзии, заводящие в тупик. «Бесконечные говорения о чистом искусстве... сделали то, что искусство перестало быть свободным. А в то же время Рафаэль или Леонардо да Винчи, получавшие от заказчиков точные описания содержания им порученных картин, оставались свободными. В своем широком размахе они умели вместить любые условия, не понижая достоинства своего творчества. Вот к этой-то истинной свободе замысла и выполнения и должны стремиться те, которые возлюбили реализм, как прочную отправную точку».

Только реализм может вместить действительность во всем ее многообразии и духовно освоить ее: «Жизнь двинула такие грозные реальности, что им будет созвучен лишь истинный реализм».

Это понятие Рерих толкует многопланово и объемно. В нем он видит проявление нравственного здоровья, сердечной чуткости и духовной устремленности русского народа. «Сюрреализм и большинство всяких «измов» не имеют путей в будущее. Можно проследить, что человечество, когда наступали сроки обновления, возвращалось к так называемому реализму. Под этим названием предполагалось отображение действительности.

Вот и теперь русский народ убрал всякие «измы», чтобы заменить их реализмом. В этом решении опять сказывается русская смекалка. Вместо блуждания в трущобах непонятностей народ хочет познать и отобразить действительность. Сердце народа отлично знает, что от реализма открыты все пути».

Определяя свой стиль, Рерих к слову «реализм» добавляет эпитет «героический». И он имеет на это полное право, ибо столкновение света и тьмы — постоянный мотив его творчества. Гэсэр-хан, бесстрашно пускающий стрелу в сгустившиеся кроваво-темные тучи зла, не только символ, но и своеобразный автопортрет художника. Кто-то верно заметил, что если взять произведения Рериха (как живописные, так и литературные), то даже одни названия их свидетельствуют о духе героизма, подвига и созидания.

— Не будем страшиться говорить самыми высокими словами о каждом проявлении красоты,— призывал Рерих.

Пафос ленинских слов «Надо мечтать!» неоднократно повторяется в его статьях и выступлениях. «Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома, умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существо их построено на способности мечтать. Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытий имеют не только расчет, но, именно, высокую жизненную мечту».

Рерих сближает понятия «героический реализм» и «социалистический реализм». Чувствуется, что они для него синонимы. 24 мая 1945 года он записывает в дневнике: «В Москве готовится выставка «Победа». Честь художникам, запечатлевшим победу великого Народа Русского. В героическом реализме отобразятся подвиги победоносного воинства.

Русское художество идет широкой здоровой стезею героического реализма. От этого торного пути много тропинок ко всем народам, возлюбившим народное достояние. Сняты ржавые замки. Выросло дружное желание сотрудничества.

Победа! Победа! И сколько побед впереди!»

НЕОЖИДАННЫЙ РЕРИХ

Весной 1958 года все улицы Москвы вели на Кузнецкий мост. Многочасовая очередь медленно втекала в крошечное здание Выставочного зала, откуда поодиночке выходили очарованные люди и останавливались на пороге: они теряли ориентиры и не знали, куда идти, московские дома долго казались им гималайскими скалами, и московское солнце обретало новые краски, прежде невиданные. Иные, не успев прийти в себя, снова вставали в очередь... Так торжественно вернулся на Родину великий русский художник Николай Рерих, не доживший до тех счастливых дней с лишком десять лет.

Сегодня, спустя еще шестнадцать лет, извлеченный из библиографических ископаемых, к нам вернулся Рерих-поэт, объяснивший многие из тайн своих полотен. И главная из них — тайна экзотики.

Мы привыкли с недоверием и даже настороженностью относиться ко всему необычному, из ряда вон не то что выходящему — выскакивающему: слишком часто за ослепляющей яркостью обнаруживались пустота и безмыслие. Но вызывающе самобытный Рерих заставил поверить в себя сразу и навсегда. В его самобытности заключена мудрость. Стихи художника проливают свет на смысл его живописи, хотя ни в коей мере не иллюстрируют ее.

Экзотичны всполохи света из глубин Тибетской Азии, они разрушают привычные законы художественной геометрии и строят полотно по законам своим собственным. Экзотичен свободный стих Рериха, столь мало свойственный русскому стихосложению, что кажется стилизацией; кстати говоря, без репродукций картин художника их читать не следует, впечатление нарочитости останется неотвязным. Экзотичны темы рериховских стихотворных циклов: «Знаки», «Вестник», «Мальчику», его программной поэмы «Наставление ловцу входящему в лес». Когда, в какую эпоху все это писалось? Какой народ вызвал к жизни эти стихи? Ответ — содержание самих стихов:

Бойтесь, когда спокойное придет
в движенье. Когда посеянные
ветры
обратятся в бурю. Когда речь
людей
наполнится бессмысленными
словами.

. . . .

Маленькие танцующие хитрецы!
Вы готовы утопить себя
в танце.

Тревога перед грядущей бурей, предчувствие глубочайших социальных переворотов звучат в каждом слове стихотворения «В танце». Только в предреволюционной России могли быть созданы эти строки. Интеллигенция, обнаружившая с ужасом распад связи времен, обратила свои взоры на Запад. Но Рерих именно на Западе и видел источник распада связи времен, распада связи племен. Его повлекло на Восток, к началу общности, к началу великого индоевропейского племени, как в свое время влекло к Древней Руси, к началу славянства. Восстановить в искусстве утраченную связь разбредшихся по континенту народов — эта идея легла в основу творчества и неутомимой общественной деятельности Н. К. Рериха.

Мир народам, считал Рерих, несут знание и красота. Вера поэта и художника в прекрасное не умозрительна: «Путь будет наш каменист» — эта мысль сопровождает движение лирического героя Рериха к совершенству. Тема «Вестника» и в стихах и в живописи разрешена одинокой фигурой, одолевающей бесконечный среди горных громад путь к свету, преобразившему мир, но еще ни луча не протянувшему путнику. Он сам должен достигнуть солнца. И возвестить о нем человечеству. Возвестив, направить по своему пути.

Красота не абстрактна, служение ей требует героизма и самоотверженности, абсолютной веры в победу. Жестко и безжалостно слово Рериха, обращенное к ослабевшим духом:

Эти заслонившие себя
сомнением! Какова будет
их ловля? И что они
принесут своим близким?
Снова пустую сеть? Снова
желания без исполнений?
Потерянные, как утеряно
их бесценное время.

Красота не абстрактна, ибо она — достижима. Не случайно цикл «Мальчику» завершает триумфальная легенда о духе добра «Лакшми Победительница».

Неизбежна победа «ловца входящего в лес»:

Радуйся! Радуйся! Радуйся!
Ловец
Трижды позванный.

М. ХОЛМОГОРОВ

Николай Рерих. Письмена. М., «Современник», 1974, 150 стр.

ДИПЛОМ ЗАЩИЩАТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ!

Б. САВЧЕНКО, секретарь ЦК комсомола Белоруссии,
А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»

Молодые специалисты получают путевки в жизнь. В коридорах, возле дверей, за которыми сидят комиссии, взволнованный шепот. В сторону каждого выходящего залп голосов с одинаковым вопросом: «Куда?» Потом обсуждение. Горячее, откровенное. То с нотками зависти, то со вздохом сочувствия. Понятно! Решается судьба! Как же она сложится? Все хотят, чтобы счастливо. А понятий о счастливой доле много. Очень разных...

Вот услышанный нами однажды рассказ о счастливой доле, рассказ, в котором ирония перемешивалась с чувством горечи:

— Как-то жена встретила нашего бывшего однокурсника, преуспевающего ныне на поприще науки и, судя по всему, весьма довольного собой. Он спросил обо мне. Узнав, что я начальник производства на заводе, выразил искреннее удивление и сожаление: «Вот как! А ведь способный человек!.. Подавал надежды!..»— Анатолий Михайлович улыбнулся и после паузы заключил: — Так что видите: в глазах титулованного ученой степенью мужа я типичный неудачник.

...Да, понятий о счастливой доле много. Согласно одному из них, даже Анатолия Михайловича Титова следует причислить к тем, кому не повезло в жизни. Почему «даже»?

Анатолий Титов в 1960 году окончил Белорусский политехнический институт по специальности «технология машиностроения». На Минском заводе электронно-вычислительных машин имени Г. К. Орджоникидзе начал инженером-технологом. В 63-м он старший инженер, в 64-м — начальник технического бюро, в 66-м — заместитель главного технолога завода, в 71-м — начальник производства завода, в 72-м — он уже заместитель директора предприятия по производству... Титова избирали секретарем комсомольской организации отдела главного технолога завода, в 70-м году он стал лауреатом премии Ленинского комсомола за активное участие в разработке и освоении электронно-вычислительной машины «Минск», а в 72-м получил золотую медаль ВДНХ.

Путь Анатолия Титова за двенадцать лет можно назвать блестящей карьерой. Однако что за ней? Удача, благоприятное стечение обстоятельств? Или все вместе? Титову посчастливилось попасть на интересное, растущее, очень современное предприятие, в непрерывно и дерзко ищущий коллектив. В остальном же...

Титов. Все, наверное, оттого, что я привык искать вопросы, а не уходить от них. Помогла общественная работа, которую я вел в институте,— то в комсомольской, то в профсоюзной организации...

«Искать вопросы». В толковании Титова, это значит не коротать день на заводе, а работать, выходить на самые горячие рубежи, не бояться брать на себя ответственность, думать, отстаивать свою точку зрения, бороться, рисковать.

Пока, придерживаясь этого правила, он поднимался «по лестнице технологической службы». Сомнения в том, что справится с более высоким назначением, не было — прочность, с какой он стоял на предыдущих ступенях, давала на то основание. Но вот однажды ему предложили в интересах дела принять руководство производством. И тут появилось сомнение: вдруг не хватит знаний, умения, сил? Однако не отказался. Взялся, увлекся, весь ушел в поиск и не заметил, как пришла уверенность. Он нашел себя и на новой ниве.

Неудачник? Нет! Счастливой судьбы человек!

Судьба, не предопределенная небом, а «выстроенная» своими руками, умом, волей, энергией... По-разному люди оценивают, счастливо или несчастливо сложилась судьба. Но бесспорно, на наш взгляд, одно: человек счастлив, когда получает возможность полностью раскрыть свои задатки, способности, отдать обществу все, что получил от него и от природы. Задача же общества — воспитать в нем эти качества.

Утверждать, что из любого выпускника технического вуза можно вырастить директора или главного инженера завода, значит заниматься демагогией. Талант всегда играл и будет играть свою роль. Однако данные данными, но жизнью доказана необходимость неустанно, умно и терпеливо воспитывать полноценных специалистов. И непременно творчески.

Что значит «растить творчески»? Кому, как, до каких пор воспитывать?

Есть точка зрения, что воспитание специалиста — это лишь лекции, семинары по социально-экономическим дисциплинам, комсомольские дела, факультеты общественных профессий, обогащение духовными ценностями.

Не совсем так!

Воспитание будущего специалиста должно начаться в школе, с помощи в выборе профессии. Любовь к основному делу жизни появляется не вдруг, и чем раньше она проклюнется, оформится, тем больше гарантии безошибочного выбора, гарантии успеха на жизненном пути.

Жизнь убеждает, что самое реальное и самое верное направление политехнизации — дать учащимся ясное представление о современном предприятии, колхозе, о прочих сферах человеческой деятельности, помочь нащупать свои задатки, развить их и в итоге решить: кем быть?

Пробелы в школьном разделе профессионального воспитания тут же дают себя знать. Вряд ли стоит тешить себя иллюзиями насчет того, что из человека, случайно оказавшегося в том или ином учебном заведении, может выйти толковый специалист. Возможно, такие примеры и есть. Но они единичны. А это значит, школьная профориентация ориентирует далеко не всегда в нужном направлении. Неинтересно, казенно и другой раз как-то стыдливо пропагандируются рабочие профессии. Формализм и бездумная щедрость бьют через край при раздаче всякого рода рекомендаций и характеристик. Да и вузы не все пропагандируют себя так, как, например, делают это комсомольцы Белорусского технологического института имени С. М. Кирова.

Комитет комсомола и совет молодых ученых института создают в школах кружки юных химиков, биологов. С ними занимаются преподаватели и аспиранты. Общественная приемная комиссия популяризирует специальности вузовского профиля. В школах читаются лекции, проводятся беседы. Школьники, группирующиеся вокруг института, вместе со студентами готовят вечера, ходят в походы, на экскурсии. В самом институте юные лесоводы встречаются с учеными; вузовские «послы» участвуют в школьных вечерах. Каждый год в семью студентов вливаются «свои» выпускники десятых классов, и занимаются они, как правило, увлеченно, добросовестно, охотно берутся за общественную работу, приобщаются к науке.

Отказ от «шапочного знакомства» вузов с абитуриентами наверняка пойдет на пользу и тем и другим. Ужесточение же отбора (именно ужесточение, потому что сейчас к поступающим зачастую относятся слишком либерально) закроет доступ в институты людям, определяющим выбор профессии количеством троллейбусных остановок от дома до вуза, или неприязнью к рабочей спецовке, или же корыстными расчетами чадолюбивых родителей.

По идее мощный воспитательный заряд заложен во всей организации учебного процесса в институтах и техникумах. Поэтому и тут чувство времени должно присутствовать в каждой строке программы, учебных планов, расписаний. Должно... В одной из бесед с нами ректор Белорусского политехнического института П. И. Ящерицын заметил, что с программами, например, все время неувязка. Жизнь движется вперед, а программы так же, как учебники, никак не успевают за ней. Логично разрешить хотя бы крупным вузам, имеющим высококвалифицированных педагогов-ученых, вносить коррективы в программы, учебные планы, утверждая поправки в Министерстве высшего и среднего специального образования республики, ибо другого способа прочно состыковать программы с жизнью попросту нет. Пока же сплошь и рядом будущие инженеры тратят время на постижение того, что давным-давно списано техническим прогрессом.

Что касается вузовского комсомола, то очень важно глубоко осмысливать уроки «третьего семестра». Во время этих семестров студент в труде, на виду у товарищей учится соизмерять свои поступки с волей коллектива, здесь он полностью раскрывается, принимает участие в отрядном самоуправлении; в студенческой коммуне все конкретно, все обусловлено близкой и важной целью. Вот почему процесс формирования коллектива, который в стенах вуза идет порой долго и трудно, тут протекает сравнительно легко и быстро. Очень важно поэтому все полезное перенести из практики «третьего семестра» в практику повседневной вузовской комсомольской работы.

Опытному глазу заметны перекосы в общей направленности подготовки инженеров. Вот мнение на сей счет специалиста-практика.

А. А. РЕУТ, секретарь Минского горкома партии, бывший директор Минского завода электронно-вычислительных машин имени Г. К. Орджоникидзе:

— Существует явное разночтение в нуждах предприятий и политике технических вузов. У них, у вузов, ярко выраженная конструкторская и технологическая ориентация. А нам конструкторы нужны меньше, чем технологи, а технологи — меньше, чем организаторы производства. Между тем подготовке организаторов уделяется как раз неоправданно мало внимания. Организация производства изучается поверхностно, основы экономики промышленных предприятий слишком общо, социальная же психология, считайте, никак — по этой дисциплине и преподавателя-то найти почти невозможно. Дипломные работы студентов тоже чаще всего конструкторского профиля, причем без глубокого экономического обоснования, без классификации материалов. Все это вместе взятое ведет к тому, что большинство выпускников связывают свои мечты и планы с должностью конструктора и бывают разочарованы, когда им предлагают пойти на про-

изводство, в цех. А если идут, то обнаруживают сплошь и рядом неумение работать с людьми, выступать в роли организаторов. Есть необходимость пересмотреть и порядок прохождения будущими инженерами производственной практики. Видится обоюдная польза от того, что студенты еще до распределения будут связаны с предприятиями, где им предстоит работать. Они сумеют в таком случае пустить там корни, усвоить традиции коллектива, примерить-ся к своему завтрашнему положению в нем. Если все это рассматривать в рамках воспитательного процесса, придется согласиться, что тут еще есть почти нетронутые пласты.

...В последующие годы не всегда удается восполнить пробелы, оставленные прежними воспитателями. Это не значит, однако, что на заводе, скажем, или на стройке, или в научно-исследовательском институте оправдан казенный подход к воспитанию, формированию молодого специалиста. Пример Анатолия Титова свидетельствует как раз о том, что на заводе электронно-вычислительных машин тщательно программируют выращивание пополнения. Забота о выращивании видна в планах организации и технической и политической учебы, в личных творческих планах специалистов, в пятилетнем плане научной организации труда, технического прогресса и социального развития, в лицевых счетах инженерно-технических работников. Ими определена роль каждого в коллективном творческом процессе.

Интересно, что на заводе успешно практикуется использование специалистов на рабочих должностях. Инженеров ставят наладчиками электронно-вычислительных машин, и те обычно принимают назначение как должное. Потому, во-первых, что наладчик очень нуждается в инженерных знаниях, а во-вторых, инженер-рабочий имеет возможности для последующего выдвижения, как и любой другой специалист. И вот вырос Анатолий Титов, недавний выпускник Зигмунд Волох-Карачевский выдвинут начальником цеха завода. Выросли в командиров производства Валентин Лебедев и Юрий Корнилович.

А вот иной пример. В Солигорске несколько лет назад открыли горно-химический техникум. Многим его питомцам не находится должности по диплому, им предлагают идти рабочими, гарантируя второй или третий разряд. Выпускники задают вопрос: зачем тогда кончать техникум, если рядом ГПТУ готовит рабочих 5—6-го разряда? Здесь — антивоспитание техников рабочей должностью.

Старательно и вдумчиво растят молодых специалистов на Минском моторном заводе, на автомобильном заводе в Жодине. Большинство пришедших сюда из институтов и техникумов закрепляются, потому что видят перспективу, она увлекает, захватывает их. Отсеиваются закономерно лишь те, кому не по душе высокая требовательность к технической интеллигенции, кого не воспламеняет, а обжигает высокий творческий накал.

Все заметней становится роль советов молодых специалистов. Комитет комсомола и совет молодых специалистов Минского автозавода помогают дипломированным новичкам быстрее войти в жизнь коллектива, постигнуть все, что определяет сегодня ее содержание. Научно-теоретические конференции, поездки за опытом, участие в движении рационализаторов и изобретателей — все это направляется советом. Он все время ищет. До недавнего времени одной из основных форм его работы было задание молодому специалисту, а спустя год — аттестация. Теперь вместо задания введен паспорт молодого специалиста, над ним шефствуют опытные производственники, а у аттестационной комиссии есть право повышать категорию молодым технологам и конструкторам, рекомендовать их на повышение в должности. Совет втягивает молодых специалистов в общественную работу, приносящую навыки организаторской деятельности. Таких советов в Минской области больше сотни.

Хорошо бы принять за правило поощрение коллективов, где для молодых специалистов создана подлинно творческая атмосфера. Пусть у них будет большее право выбора выпускников, бо́льшие фонды жилья, бо́льшие возможности творческих командировок.

В то же время целесообразны и меры воздействия на коллективы, где о молодых специалистах пекутся постольку, поскольку инженеров и техников присылают, и они своим присутствием так или иначе напоминают о себе. За два года на Минский завод холодильников прибыл 21 специалист с высшим и среднетехническим образованием. Ни разу за это время руководители предприятия их не собрали, не попытались выяснить их настроения, степень подготовленности, планы на будущее, проблемы врастания в коллектив. И не удивительно, что в резерве кадров для выдвижения нет никого из пополнения последних двух лет. Трудно говорить всерьез о возможности воспитать в такой атмосфере кадры, нужные сегодня стране.

В народном хозяйстве до сих пор не хватает технических специалистов. У нас немало предприятий, где руководители и главные инженеры — без высшего образования, практики. Требования же к командирам нашей индустрии буквально с каждым днем становятся объемнее и строже. В постановлении ЦК КПСС «Об участии руководящих и инженерно-технических работников Череповецкого металлургического завода в идейно-политическом воспитании членов коллектива» сказано: надлежит «постоянно заботиться о повышении идейно-теоретических знаний и деловой квалификации руководителей и инженерно-технических работников. Каждый из них должен владеть основами марксистско-ленинского учения, ясно видеть политические цели партии и страны, в совершенстве знать свою специальность, уметь работать с людьми, быть способным на практике применять принципы научной организации труда».

Год от года растет спрос с людей, воспитывающих тех, кто во многом определяет и определит успех нынешней пятилетки и пятилеток будущих. Цель: воспитать так, чтобы молодые специалисты умели и стремились защищать свой диплом всю жизнь. Защищать поиском, творческим порывом, неистощимым желанием целиком посвятить себя общему делу.

Человеческие родники

Есть чуть ли не в каждой нашей союзной республике такой основной продукт ее производства или добычи недр, который, став символом богатства этого края, вошел в рисунок герба. В Молдавии это виноград, в Азербайджане — нефть...

А в Узбекистане это хлопок.

«...Распаханная земля простиралась до самого горизонта, и на душе было легко, отрадно. Справа и слева от дороги звенела вода в арыках, к ней клонились гибкие тополевые саженцы... Хорошо!.. Целина наконец поднята, в нее любовно зарыты белые семена в мягком пушке, зарыты неглубоко, чтобы они погрелись в теплой земле под солнечными лучами. И скоро они прорастут нежными, изумрудными всходами. Хорошо, славно!..»

В новом романе Шарафа Рашидова «Победители»* оживают интереснейшие страницы истории освоения узбекской целины — предгорных земель и склонов холмов. Подвиги сегодняшних хлопкоробов Узбекистана, радующих Родину небывалыми урожаями, общеизвестны. Роман Ш. Рашидова значителен тем, что он показывает природу и фундамент этих нынешних успехов тружеников узбекской земли, повествуя о начале великого похода за большую воду, развернувшегося в первые послевоенные годы, о людях, сбросивших наследие феодального гнета и все более активно включающихся в строительство новой жизни.

Волны массового трудового энтузиазма всколыхнули всю республику. Докатились они и до небольшого кишлака Алтынсай.

Среди героев романа мы видим представителей всех поколений: от седых стариков — чабана Бабакула, садовода колхоза «Кызыл юлдуз» Халим-бобо или колхозника Умурзака-ата — до юной Айкиз Умурзаковой, председателя сельсовета, или молодого, недавно демобилизованного из армии бригадира Алимджана. Как это и водится, молодость напориста, старость осторожна. Если Умурзак-ата, один из свидетелей жестоких байских времен, не верит, что можно отыскать и возродить засыпанные басмачами родники, самим построить плотины и напоить Алтынсайскую долину и другие предгорные земли, засеять их хлопком, то молодежь, и прежде всего его дочь Айкиз, поднимает колхозников на поиск, на строительство лучшей, зажиточной жизни.

У Айкиз много единомышленников, но и ее сомневающийся отец не одинок. Люди спорят, взвешивают все «за» и «против», ведь техники почти никакой — кетмень да грабарка, сумеют ли? Но вот наконец коллектив решается идти на штурм, в этом логика жизни — не ждать же у моря погоды. Часть колхозников возводит плотину на реке Алтынсай, другие, с не меньшим упорством врубаясь в скалы, руша их взрывчаткой, ищут родник Кокбулак. Поиск воды стал делом всех от мала до велика, и всенародный характер этой стройки, этого сражения, разыгравшегося на предгорных землях колхоза «Кызыл юлдуз», показан в романе широко и впечатляюще.

Признаемся, положа руку на сердце: когда говорим «битва за урожай», то при этих ставших, увы, слишком привычными словах как-то прежде всего видится конечный результат и нередко забывается, что битва — это действительно битва, где, как и в любом сражении, есть свои маневры, отступы и приступы, свои жертвы. В романе «Победители» показано, как в ходе напряженного труда постепенно меняются люди, сама жизнь перековывает сомневающихся, укрепляет и поддерживает ослабевших. Типичный пример — председатель колхоза Кадыров. Этот сложный характер — подлинная удача писателя.

Бывший фронтовик, Кадыров посвоему понимает задачи руководства колхозом в трудные послевоенные годы. Его пугает техническая неоснащенность дела, затеянного сельсоветом, и в чем-то он тут, безусловно, прав. Однако в ходе ударного строительства, когда энтузиазм колхозников буквально творит чудеса, он склоняется к обычной перестраховке, начинает опасаться своего смещения, полагая, что на его место метит Алимджан, — и здесь уж он не прав ни в чем. В то же время Кадырова, «раиса», как уважительно называ-

* Шараф Рашидов. Победители. «Октябрь», 1974, №№ 7, 8.

ют его старики, тревожит, что он невольно изолировался от общей заботы алтынсайцев. Постепенно он внимательнее присматривается к новым методам хозяйствования, вдумчивее слушает советы секретаря райкома Джурабаева. Нелегко, непросто понимает и признает свои ошибки Кадыров. Борьба за воду, всенародный порыв и самоотверженность помогли ему из противника хлопкосеяния в предгорных районах стать участником обновления края.

Запомнились картины первого сева на новых землях,— здесь Шараф Рашидов проникновенно рисует то бережное, трепетное отношение к кормилице-земле, что издавна отличает узбекского крестьянина. Облик хлопкороба, любящего свой труд и свою землю, обретает в романе, пожалуй, наиболее поэтическое выражение в сцене, когда после сильного града Умурзак-ата, стоя на коленях, гладит молодые всходы хлопчатника, будто находясь у постели больного.

Особое внимание читателя привлекают Айкиз и Алимджан, любящие друг друга, — к ним, к их переживаниям часто обращается и автор. Пылкая, порывистая Айкиз, для дела готовая взорваться подобно пороху, и стеснительная и застенчивая в проявлении своего первого чувства — она запомнится нам и в своей настойчивости, приводящей к успеху, и в своих изначальных неудачах, ошибках, которые ей помогают исправить старшие товарищи, коммунисты. Давно уже не встречали мы в произведениях среднеазиатской литературы такой полнокровный образ чуткой руководительницы, страстной поборницы идеи преображения земли — и при этом совсем молодой женщины, нежной и обаятельной, трогательной в наивной простоте, чистоте и бесхитростности своей любви.

Вспоминая других персонажей романа Ш. Рашидова — неторопливого чабана Бабакула, мать Айкиз Халбиби, иных обитателей кишлака Алтынсай, мы ощущаем глубину проникновения в национальный характер, и здесь успехи автора бесспорны. Можно лишь добавить, что и среда, те типические обстоятельства, в которых живут и действуют герои, прорисованы писателем тщательно и с любовью — касается ли это изображения быта или красоты родных мест. Многое, чувствуется, идет здесь от поэтического видения, помогающего прозаику находить, казалось бы, несложные, но на самом деле неуловимо тонкие образы. И очень вместительные. Даже когда мы читаем о дворе Умурзаковых простое: что земля на нем «гладкая и твердая, как гончарное блюдо», мы своим воображением охватываем нечто большее, чем этот двор, мы постигаем еще и какую-то часть уклада жизни узбекской семьи.

Принципиальное значение романа, несомненно, в том, что показ массовой самоотверженности, граничащей с героизмом, всенародного энтузиазма приобретает в книге очень важную и правдивую окраску: герои Шарафа Рашидова в ходе напряженного труда, борьбы за урожай учатся и начинают мыслить масштабно, по-государственному, живут интересами всей республики, всей страны. В этом основа их трудных и славных побед.

Ю. НОВИКОВ

ПУШКИ

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.
ПУШКИН

Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.
ЕСЕНИН

Истинные стихи о Родине всегда вызывают в нас чувство законной гордости. Они всегда современны. Наступает время новых суровых испытаний для Родины, и вновь вспыхивают ярким светом и как бы наполняются живым патриотическим дыханием и бессмертные строки «Слова о полку Игореве», и героические страницы русского былинного эпоса, и гордые пророческие строфы ломоносовских од о России, ее уме и великом трудолюбии; и едва ли не чаще, чем к кому-либо другому, в такие минуты нравственных, духовных потрясений обращаем мы сердца наши к великому Пушкину, его стихам о России.

Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!

Вспомним годы Великой Отечественной войны. С какой патриотической силой, с каким историческим прозрением и как современно звучали тогда пушкинские стихи:

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Тогда же, в годы фашистского нашествия, для многих наших соотечественников в истинном свете раскрылись великая любовь к России Сергея Есенина, патриотическая глубина, пронзительное чувство родины в его поэзии:

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Подобно пушкинским, стихи Есенина звучали в дни Великой Отечественной войны как клятва народная на верность Родине:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Судьба России, ее прошлое, настоящее, будущее — вот что прежде всего глубоко волнует и Пушкина и Есенина, определяет неустанный художественный поиск, гражданскую позицию каждого из поэтов; вот что является заглавной темой всего их творчества, вот их извечная радость и боль, их немеркнущая мечта и надежда.

Окончание. См. «Огонек» № 41.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

*

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Россия Пушкина. Россия Есенина.

Россия эпохи декабризма. Россия эпохи Великого Октября.

Пушкинская Россия — это годы, когда пламя свободолюбивых патриотических идей, рожденных великим народным подвигом в Отечественной войне 1812 года, опалило сердца и души передовых людей России и заставило их еще и еще раз «во след Радищеву» накрепко задуматься о будущем своей отчизны, и не только задуматься, но и открыто вступить на тернистый, но светлый и благородный путь борьбы за свободу народа.

Среди этих наиболее честных и мужественных сынов России был и сам Пушкин. В своей оде «Вольность», наполненной народной болью и гневом, гражданской страстью и призывным революционным пафосом, поэт выносит самодержавию свой бескомпромиссный приговор:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!
. . . .
Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу...
. . . .
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Декабристы — те, кто в эпоху Пушкина олицетворял все истинно прекрасное и революционное в русском народе,— становятся для поэта нравственным и духовным идеалом. Пушкин открыто и настойчиво тянется к ним. Более чем кто-либо декабристы вдохновляли и питали мятежную пушкинскую музу.

Поэт не отступает, не отрекается от своих духовных связей, духовного единства с декабристами и после того, когда восстание на Сенатской площади потерпело поражение. Об этом он со всей убежденностью и прямотой говорит в своем «Арионе»:

На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою...

Таким «прежним гимном» стало пророческое послание Пушкина к декабристам в холодную, далекую, страшную по тем временам, каторжную Сибирь:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
. . . .
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

На всем творчестве Пушкина ясно обозначен отсвет вольнолюбивых идей декабристов, на долю которых выпала многотрудная, но великая историческая миссия.

Вместе с декабристами Пушкин всем своим творчеством объективно способствовал пробуждению России «ото сна», росту духовного самосознания ее народа, способствовал накоплению революционных сил, революционной энергии России.

Пушкинская Россия — это славная история

Юрий ПРОКУШЕВ

Н И ЕСЕНИН

его родины, история многовековой героической борьбы русского народа за свою национальную независимость, борьбы с польскою шляхтой и шведами, турками и Наполеоном.

Пушкинская Россия — это Россия Кузьмы Минина и Михаила Кутузова, Ломоносова и Петра Первого, героев Отечественной войны 1812 года и дворянских революционеров-декабристов. Вместе с тем это Россия, задыхающаяся от крепостнического гнета, крепостнической неволи, Россия крестьянских бунтарей и вожаков — Степана Разина и Емельяна Пугачева; Россия трудолюбивого и мужественного народа, который до поры до времени безмолвствует. Но это его грозное, суровое молчание символично. Оно предвещает бурю. Поэт оставляет за народом последнее, решающее слово.

Это решающее слово в истории России было сказано революционным народом в Октябре 1917 года.

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

Так одухотворенно и крылато приветствовал революционное преображение России Сергей Есенин в своем «Небесном барабанщике», написанном в 1918 году.

По сравнению с пушкинской Россия Есенина — это время еще более крутых поворотов, еще более значительных исторических событий и революционных преобразований. Оно, это время, «помечено» и героическими баррикадами пятого года, и ленской грозой двенадцатого года, и пожаром мировой войны, и крушением самодержавия в февральские дни семнадцатого года, и октябрьскими залпами «Авроры».

Грандиозен и прекрасен был путь великого революционного похода трудовой России в будущее. Вместе с тем он был суров, драматичен, многотруден.

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и долы.
. . . .
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.

Одно в годы революции, по-пушкински, тревожит Есенина, терзает его ум и сердце — судьба Родины, ее будущее.

Художника формирует его время, его эпоха. Чем крупнее, талантливее художник, тем глубже степень познания и отражения им окружающей его действительности, тем полнее и ярче раскрывает он в своем творчестве, своих книгах характерные черты эпохи и прежде всего те исторические взрывы и потрясения, которые связаны с революционной борьбой его соотечественников за свободу и независимость Родины. И «...если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях» (В. И. Ленин). Таков объективный закон искусства. Таков объективный художественный итог творчества и Пушкина и Есенина.

И в Пушкине и в Есенине, в их жизни и творчестве главное — решительный поворот к передовым идеям, передовым революционным силам своей эпохи. Каждый из них сказал свое великое слово о своем времени и прежде всего о революционных событиях, определяющих узловые социальные, классовые конфликты их эпох. При этом дворянин Пушкин в эпоху декабризма все больше задумывается о судьбах России крестьянской, считая, что «политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян...», а сын Руси крестьянской — Сергей Есенин в эпоху пролетарской социалистической революции все больше и больше поворачивает свой взор к России Советской, России ленинской:

Я вижу все
И ясно понимаю,
Что эра новая —
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветр, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Принимая умом путь социалистического переустройства русской деревни, Есенин чувствовал сердцем, что преодолеть его Руси крестьянской будет далеко не так легко и просто, как это казалось иным его современникам. Отсюда тревожные, порой мучительные раздумья Есенина о будущем крестьянской Руси:

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И не это ли, подлинно пушкинское «провидение» будущего России, не эта ли, по-пушкински обжигающая сердце правда чувств особенно дороги нам в стихах Есенина, не в этом ли подлинно пушкинское величие поэта?!

От Пушкина, его высочайших нравственных, гражданских традиций берет начало огромная мера ответственности Есенина перед своим временем, народом, историей, беспощадная требовательность к себе. Свободолюбивый пафос поэзии Пушкина, как яркий солнечный луч, помогал Есенину в самые трудные и драматические моменты его жизни почувствовать главное в окружающей действительности и увидеть, где подлинная свобода и кто по-настоящему несет ее народам России.

Большевики-ленинцы, те, кто в эпоху Октября олицетворял все истинно человеческое и революционное в русском народе, становятся для Есенина идеалом прекрасного. Поэт жадно тянулся к ним, поначалу больше стихийно, чем сознательно («Небо — как колокол, месяц — язык, мать моя — родина, я — большевик»); несколько позднее он пробивался к ним настойчиво «в развороченном бурей быте», а затем, и это было главным, он рассказал о них в «Песни о великом походе» и «Анне Снегиной», «Поэме о 36» и «Балладе о двадцати шести», в отрывке из поэмы «Гуляй-поле» — «Ленин» и «Капитане земли». Есенин мечтал написать большую поэму о Ленине. Он говорил: «Я в долгу перед образом Ленина, ведь то, что я писал о Ленине,— и «Капитан земли», и «Еще закон не отвердел, страна шумит, как непогода»,— это слабая дань памяти человеку, который не то что, как Петр I, Россию вздернул на дыбы, а вздыбил всю нашу планету».

Приняв сердцем великую правду Ленина, Есенин вновь и вновь пристально вглядывается в кипение жизни, стремясь, по его словам, «постигнуть в каждом миге Коммуной вздыбленную Русь».

* * *

Вся поэзия и Пушкина и Есенина направлена на то, чтобы поддержать, окрылить человека, раскрепостить его духовно и создать для него такие условия общественной жизни, чтобы он действительно смог стать Человеком.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

«Общий колорит поэзии Пушкина и в особенности лирической,— писал в свое время Белинский,— внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность... Читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека...»

Гуманизм пушкинской поэзии озарил есенинскую музу немеркнущим светом истинной человечности, великой любовью к Родине, ко всему живому на земле.

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароют еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

Великий Пушкин помогает нам полнее выявить главное в Есенине, его поэзии, помогает увидеть действительно великого Есенина. Процесс этого познания глубоко диалектичный и взаимный. Авторитет Пушкина огромен и непререкаем для Есенина. Вместе с тем на такого художника, как Есенин, при его глубоко органической, ярчайшей поэтической индивидуальности, на протяжении всей жизни, всего творческого пути мог воздействовать и оказывать свое влияние поэт истинно великий и вместе с тем истинно современный. Таким поэтом был Пушкин. Есенин неустанно шел вперед к этой величайшей поэтической вершине мировой и отечественной литературы, обретая все более твердую уверенность и самостоятельность в избранном им пути. Продолжая, развивая, обогащая традиции Пушкина, Есенин оставался и был прежде всего сыном своего века, своей эпохи. Все это, вместе взятое, позволило Есенину, еще при жизни, в двадцатые годы, стать объективно тем могучим художественным звеном, которое прочно и навсегда соединило реалистическую поэзию Пушкина, Лермонтова, Некрасова с поэзией социалистического реализма, рожденной Великим Октябрем.

СВЕ

Ион К. ЧОБАНУ,
писатель, депутат Верховного Совета СССР

12 октября 1924 года для молдавского народа историческая дата: в этот день была провозглашена Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика, вошедшая равноправной сестрой в семью Украинской Советской Социалистической Республики. В торжествах приняли участие легендарный комбриг Григорий Иванович Котовский, испытанные революционеры с обоих берегов Днестра—участники гражданской войны, большевики-подпольщики, боровшиеся против гнета российского самодержавия и королевской Румынии. Позднее была создана Коммунистическая партия Молдавии.

Бессарабии предстояло еще 16 лет изнывать под оккупационным режимом в условиях нищеты. Еще долго бессарабам суждено было вглядываться через Днестр на тот берег, где на полях гудели тракторы, а в селах и городах росли новые школы, фабрики, заводы, где соломенные крыши исчезали вместе с лачугами, на сельских улицах катили юноши и девушки на велосипедах, а в дни 1 Мая и 7 Ноября гремели оркестры. Воды Днестра разделяли два мира. На другом берегу, в краю соломенных халуп — отсталость и нищета. Обычным цветом был цвет золы, цвет ржавчины. Домотканая одежда, покрашенная кожурой лука или ореха, вся в заплатах. Надсадно скрипели колеса деревянных плугов на узких, как рушники, крестьянских наделах. Печально напевали люди старую песню: «Ниструле, пе малул тэу...» — «Днестр, на твоем берегу...».

Примерно пятнадцать лей платили крестьянину за ведро вина, а 14,5 леи стоил акциз на право его продажи. Чистый доход составлял всего пол-леи! А коробка спичек стоила 2 леи. Четыре ведра вина — за коробку! Десять — пятнадцать лей — пуд пшеницы или подсолнуха и пять лей — буханка хлеба на базаре. Десять — пятнадцать лей за день работы на боярском поле, и сто лей за один школьный учебник! Немногие счастливчики, учившиеся грамоте, занимались не более двух-трех зим. Очень часто на пятерых детишек была одна пара постолов.

В городах положение было ничуть не лучше. Повсеместно царила безработица. Маленькие частные предприятия разрушались или вылетали в трубу. Настоящие фабрики и заводы не строились. Кишиневцы еще помнят те два частных заводика, на которых работало по сорок — пятьдесят человек. Нехватка промышленных предприятий вынуждала бессарабских пролетариев работать за ничтожные гроши. Эксплуатация была жестокой и беспощадной.

В Тирасполе и других местах Советской Молдавии в это время воздвигались фабрики и заводы. В Бессарабии — ничего. Только два километра улиц было асфальтировано в городе Кишиневе, и это за 22 года помещичьего режима!

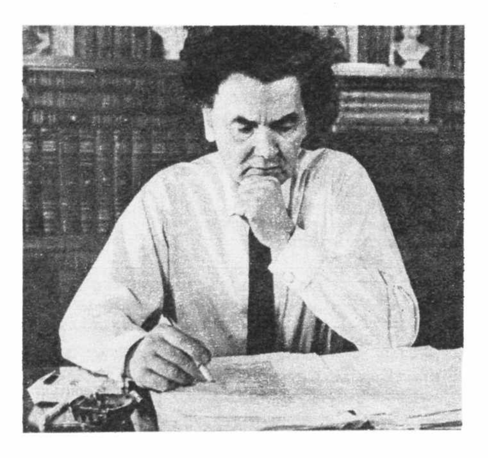
Год 1940-й был годом великого праздника. Никогда народ не забудет его. Крестьяне и рабочие, опаленные солнцем, в поношенной домотканой одежде веселы и радостны. Идет раздел помещичьей земли, открываются школы. 28 июня 1940 года вошло в историю Молдавии как знаменательный день в жизни всего молдавского народа. 2 августа сессия Верховного Совета СССР приняла закон об образовании Молдавской Советской Социалистической Республики.

Трудностей было немало. Но люди не сидели сложа руки в ожидании какого-то чуда. Они знали, что все зависит от них. Шел бой с неграмотностью. До поздней ночи горел свет в школьных классах — работала вечерняя школа. За школьные парты садились даже обремененные семьями люди. Сколько новых замыслов и надежд рождалось в этих классах!

Осенью 1940 года в некоторых бессарабских селах крестьяне начали новую жизнь: объединились в колхозы, получили вместе с землей тракторы, другие сельхозмашины. Люди словно совсем забыли, что всего около года назад в их краю властвовали бояре, помещики, жандармы, перчепторы[1]. Вихрем истории всю эту нечисть вымело из Бессарабии. В патриархальных, отсталых селениях края далеко не все крестьяне были убеждены, что в их бедности и нищете повинны эксплуататорские классы. 1940 год открыл глаза многим. Мужики, всю жизнь прожившие на мамалыге и винившие во всех бедах засуху, град, наводнения, морозы и гнев божий, вдруг оказались лицом к лицу с иной действительностью. Не искушенные в грамоте люди многое познавали на основе живого опыта новой жизни.

Нашествие фашистских орд, годы гитлеровской оккупации открыли глаза даже самым отсталым. Вместе с оккупантами опять вернулись бояре и перчепторы. После года светлой жизни снова сгустилась тьма. У крестьян отняли землю, жандарм вместе с помещиком ходили с одного двора в другой и забирали коров, овец, лошадей. Жители каждого бессарабского села получили незабываемый политический

[1] Перчептор — главный сборщик налогов в буржуазной помещичьей Румынии.

Емилиан БУКОВ

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕН

ОДА ВИНОГРАДУ

Словно солнечного сада
Розовеющий восток,
Появился винограда
Зеленеющий росток —
Ряд за рядом,
Ряд за рядом...
Жажду жизни утоля,
Озарилась виноградом
Вся молдавская земля.

Винограду молдаване —
Братья, кровная родня:
Лозы, ласково звеня,
Оплели, околдовали
Ствол ликующего дня.
Эта сладость,
Эта алость
До скончания веков
В души детские впиталась
С материнским молоком.

Пусть им — маленьким — приснятся
Не кровавые бои —
Цареградцы-виноградцы,
Виноградари твои:
Озарят крутые склоны
Гроздьев звездные короны,
Что на головах у них...
Царство это не из сказок —
Царство запахов и красок
Виноградников твоих.
Если выстроятся рядом
Эти лозы винограда
Мирным войском молдаван —
Золотой меридиан
Всю планету опояшет:
Запоет планета наша,
И рассеется туман
Горя, горечи и мрака
От молдавского рэвака[1]!

САКАРТВЕЛО

Что такое Сакартвело?
Имя сказки? Сладкий сон?
Шелестящая новелла
Заколдованных лесов?
Или древние былины,
Воплощенные вполне
В реки, горы и долины?
Кто ответить может мне?

Долог путь земного корня
До поверхности земли.
Из глубин огнеупорных
Предков души проросли
И прозрели, зорям вторя,
Гордой песней бытия...
Повесть доблести и горя —
Доля горькая твоя:
Грозно, говоришь, звенели
Песни вражьего меча?
Говоришь, окаменели
Люди гор, кровоточа?..

...Тень столетий пролетела,
Мимолетна и легка...
Чем была ты, Сакартвело,
В недалекие века?

[1] Рэвак — виноградный мед.

РШЕНИЯ

урок. Они поняли: нищета, голод — не от бога, и привилегии угнетателей не вечны.

Вместе со всеми народами Советского Союза молдаване сражались против гитлеровских орд, и сражались отважно: свыше 80 тысяч моих земляков вернулись с фронтов Великой Отечественной войны с орденами и медалями.

Тридцатилетие освобождения республики от фашистских захватчиков совпадает с золотым юбилеем Советской Молдавии. Для нас это были годы радостного возрождения. Благодаря большой помощи братских народов Советской Родины Молдавия превратилась в индустриальную республику с передовым сельским хозяйством. Села за эти годы были буквально отстроены заново. Сеть благоустроенных шоссейных дорог связала все населенные пункты. Радио, телевизор, телефон, газовая плита, стиральная машина, автобус, курсирующий по улицам села, — все это сегодня уже никого не удивляет. Но когда мы говорим, что сегодня в Кишиневе, Тирасполе, Сороках, Бельцах, Бендерах производятся тракторы, холодильники, стиральные машины, провод тоньше человеческого волоса, гидравлические насосы и многие другие изделия, экспортируемые в десятки стран, — не следует забывать, что до освобождения мы ввозили даже такие предметы, как серпы и топоры.

В нашем сельском хозяйстве также произошли колоссальные изменения. Сегодня все чаще говорят об успехах земледельцев Молдавии. Об этом пишет и республиканская и центральная пресса. Кое-кому за границей кажется, что все это произошло само собой. Нужны были лишь плодородная земля и трудолюбивые руки. Ходит еще легенда, что если в нашу землю воткнуть палку, то и она через несколько лет даст урожай. Большей глупости нельзя и придумать. Ведь и прежде земля была хорошей и земледельцы были не менее трудолюбивыми, а урожай исчислялся совсем другими мерками: дал гектар сто пудов хлеба — урожай считался рекордным. Теперь у нас даже в самые неблагоприятные годы сто пудов считается недопустимо низким урожаем. Специализация, концентрация, индустриализация сельского хозяйства — вот что решает сегодня успех урожая. В прошлом году мы собрали свыше 38 центнеров, то есть в среднем более чем по двести пудов с каждого гектара посевной площади республики. Преобразования в сельском хозяйстве коснулись также виноградных плантаций и садов, животноводческих ферм и технических культур.

В своей речи в Алма-Ате товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что именно концентрация, специализация и индустриализация сельского хозяйства на данном этапе имеют огромное значение. Лет десять назад сельское хозяйство не располагало подобными возможностями. В восьмой и девятой пятилетках были созданы необходимые условия, сделаны крупные капиталовложения, промышленность стала выпускать в широком масштабе сельхозмашины, гербициды. Разумеется, новый процесс индустриализации сельского хозяйства протекает с определенными трудностями, но они вполне объяснимы: никакая новая, непроторенная дорога не бывает гладкой.

Рост индустриализации и материального благосостояния населения создал благоприятные условия для духовного развития народа. Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии и Советского правительства, а также бескорыстной помощи братских республик молдавский народ добился больших успехов во всех областях. В республике покончено с неграмотностью, вырос большой отряд интеллигенции. В городах и селах Молдавии сегодня работают тысячи ученых, инженеров, учителей, агрономов, экономистов, мастеров высоких урожаев, квалифицированных механизаторов и рабочих.

...В памяти невольно возникают былые картины. Крохотный надел земли. Где-то на краю надела стоит подвода, лошаденка или вол пощипывают траву, тут же маленькие дети, а на поле в поте лица работают люди целыми семьями. От межи до межи — только белые рубахи, только сапы поблескивают на солнце... Не успевал человек закончить прополку, как сзади опять вырастал бурьян. Прямо в борозде лежали младенцы, у матери после шестнадцати часов работы перегорало молоко. Гнули спину с сапами в руках дети. Крестьяне по примете бросали вверх комья земли, чтобы кукуруза уродилась высокой. Связывали листья стеблей, чтобы побольше завязалось початков. Но тщетно: не помогали ни поверья, ни приметы — урожай оставался ничтожным. Примитивно обработанная земля не внимала человеческому бессилию...

Как мало прожито, и как много свершено!

Восхождение к сегодняшнему дню стало возможным благодаря огромной братской помощи, которую Молдавия постоянно получала и получает от всех республик нашей страны.

Прочные основы социализма были заложены у нас, как и в других республиках, на базе взаимопомощи, братской дружбы народов — чудесного сплава, который не подвержен коррозии времени.

Зеленеют на морозе
Музы и плодоносят —
Все же счастье не приносит
Твой заиндевелый сад.

От бесчисленных разделов,
От воинственной пурги
Изнывает Сакартвело...

Время доброе, приди!

И оно пришло, и шалью
Белоснежною зимы
Грело души и дышало
Ароматами хурмы.

Что такое Сакартвело?
Неприступность горных круч,
Нежный сплав души и тела,
Песня, поцелуя луч.

Что такое Сакартвело?
Девушка цвела, и пела,
И пьянила, и хотела
Птицей улететь в мечту...
Голос твой, о Сакартвело,
Гасит горькую беду.

Так любовь моя прозрела
В горном хоре заревом
И вибрирует в катренах
Вдохновенья моего,
Превращая слово в дело,
Сказки — в краски бытия...

Что такое Сакартвело?
Это — Грузия моя!

ВОСПОМИНАНИЯ О РИГЕ

Это было в Риге, где орган
В Домском переполненном соборе
В душу мне врывался, как буран,
Как девятый вал в открытом море.

Долго вспоминался мне потом
Вдалеке от Риги, в дальних странах
Домский храм — как бы родимый дом —
С музыкой бессмертною органа.

ТОВАРИЩ

Быстрее ветра,
Пламенней зари,
Скрепляющее крепче, чем цемент,
Народы —
слово славное «товарищ».
Его ты произносишь в Кишиневе —
И в тот же миг —
мгновение — момент —
Его услышат во Владивостоке.
Его чудес волшебные истоки
Таятся всюду — в глубине Днестра
И Немана,
на берега Днепра
Его уносят вешние ветра
И поглощают волжские потоки.
Оно сияет пиками Карпат,
Вершинами Урала и Кавказа,
И если бы его произнесли
Все люди —
не поодиночке —
сразу —
На звездах бы услышали его...
Бессмысленно его переводить —
Без перевода всем оно понятно.

В моей стране —
на Дереве Любви
Оно скрепляет солнечные ветви
Навеки,
И дыхание племен
Сливается с дыханием времен,
И так сближает ветви языков,
Что на одном дыхании —
без слов —
Понятно слово славное «товарищ».
Людских сердец основа — это слово,
Оно отводит злобу и беду,
И, как заря, багрово это слово —
Я повторяю снова это слово —
С ним я пришел на Землю,
с ним уйду...

ДУМА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Дерево, шелестящее
Тысячами ветвей,
Корнями уходящее
В самую глубь полей,
Лист, звенящий и тающий
В тишине веков,
Цветок благоухающий
Сотнями лепестков,

Чудо великое — русский язык.

Светом его заполните,
Люди, свои дома —
Пусть каждый прочтет в подлиннике
Ленинские тома!

Сила великая — русский язык.

Перевел с молдавского Валерий КРАСКО.

ЦВЕТИ, ПРЕКРАСНАЯ МОЛДОВА!

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

ПО ФАБРИКАМ И ЗАВОДАМ...

Человеку, который впервые попадает в Молдавию, кажется, что это край безбрежных виноградников, бесконечных садов, сочных лугов, по которым бродят тучные стада... Одним словом, он может решить, что Молдавия—сугубо аграрная республика. Между тем 55,6 процента так называемого совокупного общественного продукта приходится на долю промышленности. Около шестисот крупных предприятий выпускают продукцию, которая поставляется не только в братские республики, но и за рубеж,— это тракторы и литейные машины, холодильники и электродвигатели, генераторы и насосы, точнейшие приборы и многое, многое другое.

Недалеко от Тирасполя, на берегу Кучурганского лимана, высятся трубы ордена Трудового Красного Знамени Молдавской ГРЭС имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Эта электростанция — крупнейшая не только в республике, но и вообще на юге страны. Можно смело сказать, что Молдавская ГРЭС — детище всех народов Советского Союза. Из Ленинграда сюда поступали турбины, из Таганрога — котлы, из Свердловска — насосы, из Риги и Куйбышева — электрооборудование, из Харькова — генераторы, из Армении и Узбекистана — трансформаторы. А десять тысяч тонн угля ежедневно посылают шахтеры Донбасса.

— Вы только не думайте, что история молдавской электроэнергетики начинается в 1964 году — со дня пуска этой ГРЭС,— говорит персональная пенсионерка Лидия Семеновна Бломберг.— Я ведь в этих местах с двадцатого года, сразу после окончания войны с белополяками и рейдов в составе продотрядов. Хорошо помню, как в начале двадцать второго года на окраине Тирасполя началась грандиозная стройка. Холод, голод, разруха, но люди ходили на работу, как в атаку. Летом того же года электростанция мощностью 300 киловатт была готова. В Москву от имени всех трудящихся полетела телеграмма В. И. Ленину. С нее, кстати, начинается брошюра о Молдавской ГРЭС: «Героическим напряжением местных сил... в Тирасполе сооружена, оборудована и открыта электростанция для обслуживания предприятий города, а также ближайших окрестных деревень. Станция названа Вашим именем, как основоположника электрификации России». А через два года тираспольцы выступили инициаторами создания Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики. Тогда я была одной из немногих женщин-молдаванок — членов партии большевиков, поэтому меня «бросили» на разъяснительную работу в бессарабские села. На этом моя деятельность чуть не закончилась: во время одного собрания наемники кулаков проломили мне голову. Но я быстро поправилась и даже участвовала в работе Первой молдавской партийной конференции. Тогда во всей республике насчитывалось семьсот коммунистов, так что дел у нас было предостаточно. Я, правда, все время занималась работой среди женщин, но мой муж был энергетиком, поэтому я хорошо знала, когда, где и что строилось. Молдавская ГРЭС — это, конечно, наша гордость, ведь ее мощность превысила два миллиона киловатт.

Само собой разумеется, что такое количество электроэнергии позволило реконструировать, а то и заново построить немало предприятий тяжелой индустрии. Одно из них — Тираспольский завод литейных машин имени С. М. Кирова.

— На завод я пришел в тридцать первом,— вспоминает кавалер ордена Октябрьской Революции А. Е. Левшин.— Определили меня учеником токаря. А мастер попался старой школы, ничего не показывал, ничему не учил. Он считал, что ремеслу не учат, его надо «ухватить». Не всем это удавалось, но я «ухватил». В то время мы делали арматуру для нефтепроводов и даже для Московского метро... Пока служил действительную, так истосковался по заводу, что через день после демобилизации примчался в цех. Вот когда мы развернулись! Представляете, в разгаре стахановское движение, осваиваем выпуск виноградных прессов и двигателей для оросительных установок, я получаю высший по тем временам седьмой разряд. На доске почета моя фамилия всегда на самолете (отстающих «сажали» на черепаху), замахнулся даже на рекорд...

Анатолий Емельянович встал. Закурил. Помассировал изувеченный палец.

— На фронте я с первого дня войны. В сорок втором, во время боев за Керчь, вступил в партию... Военная профессия у меня довольно редкая — радиоразведчик. Раскинешь, бывало, антенны и слушаешь... Бомбежки, артналеты, танковые атаки — все это меня не касается. Мое оружие — наушники. Случалось услышать и кое-что важное. В сорок третьем, например, я засек в Крыму танковую армию, которую фашисты перебрасывали в глубочайшей тайне. Координаты, само собой, передали летчикам, а они свое дело знали... Потом была Румыния, Венгрия, Чехословакия, Австрия и, наконец, Германия.

Вернулся в Тирасполь, а тут — ни дома, ни завода. Пришлось начинать с нуля. Поднимали завод из руин и одновременно выпускали насосы для орошения полей, всевозможные приспособления для переработки черешни, слив и другой сельскохозяйственной продукции... В пятьдесят первом мы резко изменили специализацию и начали делать литейные машины. Я же стал начальником механосборочного цеха, так что каждая машина, можно сказать, проходила через мои руки. Сейчас наш завод — крупнейший в стране поставщик литейных машин и автоматических линий для точного литья. Его продукцию можно увидеть на автомобильных заводах имени Лихачева и Ленинского комсомола, на ВАЗе и ГАЗе, а также на Волгоградском, Челябинском и Минском тракторных заводах. Совсем недавно две автоматические линии для точного литья отправили и на КамАЗ... Труд литейщика, сами понимаете, не из легких. А наши машины только за последние восемь лет высвободили пятьдесят две тысячи литейщиков. К тому же рабочему теперь не надо возиться с землей, делать формы, дышать пылью и гарью. Этим-то мы больше всего и гордимся... Я, кстати, на собственном опыте убедился в преимуществах наших машин. В прошлом году ушел на пенсию, но сидеть без дела не смог и снова вернулся на завод, теперь, правда, в литейный цех. А свой, механосборочный, передал племяннику. Между прочим, на заводе работает почти вся моя семья: дочки, зятья, племянники — всего восемнадцать человек. Я думаю, что, если понадобится, мы смогли бы своей семьей от начала до конца собрать самую современную литейную машину.

Кишиневский тракторостроительный завод — тоже бывшие мастерские. Первый виноградниковый трактор сошел с конвейера лишь в сентябре 1962 года.

— Сейчас он в краеведческом музее,— улыбается слесарь-сборщик А. С. Алексеенко.— Можно сказать, до последней гайки собран моими руками. Впрочем, если быть точным, делали его вчетвером, но так как конвейера тогда не было, пришлось всем вместе и устанавливать двигатель и отлаживать ходовую часть. Встречали трактор почти как новый корабль! Только вместо бутылки шампанского на капот поставили корзину винограда. Крестной матерью стала Герой Социалистического Труда Мария Тутунару: она и привезла виноград прямо со своей плантации. Назвали его «Виеру». Неплохой, кстати, трактор: с его помощью механизировали все работы, кроме сбора винограда.

— А как вы стали тракторостроителем? — поинтересовался я.

— Можно сказать, случайно. В сорок восьмом после окончания ФЗО пришел на этот завод. Правда, заводом его тогда никто не на-

Кишинев. Фонтан в Пушкинском парке.

Придорожный колодец.

Этажи кишиневской гостиницы «Интурист».

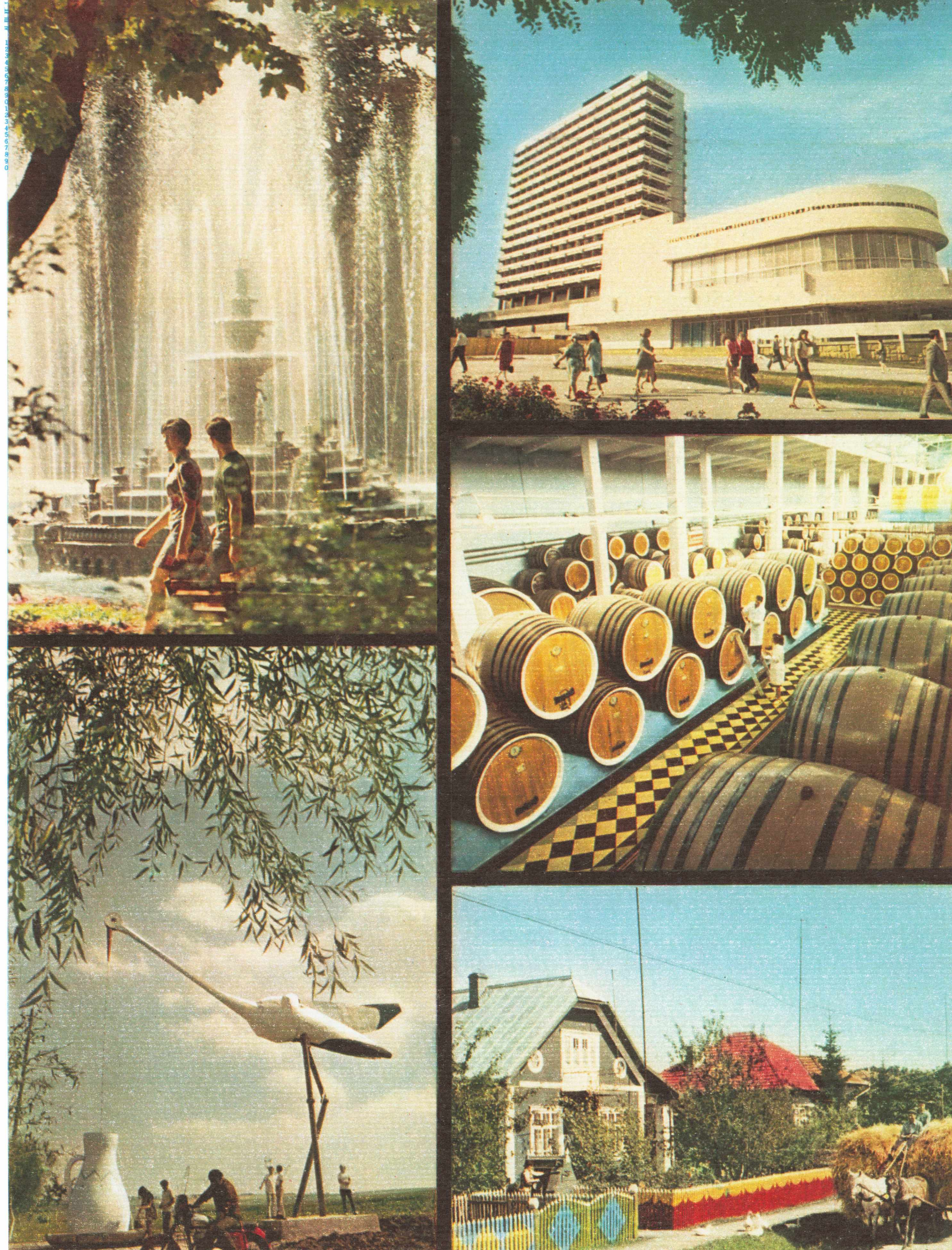
Тираспольский винно-коньячный завод.

Ларга — одно из красивейших сел Молдавии.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Елена Гричушкина — работница Тираспольской швейной фабрики имени 40-летия ВЛКСМ.

Виноградная чаша Котовского района.

зывал: авторемонтные мастерские со штатом в восемьдесят человек. И только в начале шестидесятых годов, когда производство винограда стали переводить на промышленную основу, родилась идея — дать виноградарям специальный трактор. Пока перестраивали завод, а помогали в этом около трехсот предприятий страны, рабочих послали на стажировку. Я, например, был в Харькове, другие ребята — в Минске и Волгограде. Так что мы переняли все лучшее у старейших тракторостроителей Советского Союза... Сейчас виноградниковые тракторы уже не делаем: передали лицензию на их производство в Болгарию. А сами занялись свекловичными. В год выпускаем девять тысяч и рассылаем по всей стране... Вот так убогие ремонтные мастерские превратились в современное, прекрасно оборудованное предприятие, а я в свои сорок три года стал ветераном завода и всего молдавского тракторостроения.

БЕЛЫЙ АИСТ

— Никто не помнит, когда это было, но в истинности этого случая не позволит себе усомниться ни один молдаванин,— рассказывает член-корреспондент Академии наук Молдавской ССР, Герой Социалистического Труда П. Н. Унгурян.— Шла война. Турецкие войска окружили крепость, перекрыли реки. Осажденные томились от голода и жажды. Кто знает, быть может, крепость пришлось бы сдать, если бы не аисты, которые принесли виноград. Поели его люди, набрались сил и разбили турецкое войско. С тех пор белый аист стал особо почитаемой птицей, а в наше время виноградари и виноделы сделали его своей эмблемой... Я тоже не знаю, когда была эта битва, но хорошо помню, как еще в конце прошлого века об этом случае рассказывал мой дед.

— И вы ничего не забыли? — усомнился я.

— Конечно, нет,— спокойно ответил Петр Николаевич.— Мне ведь всего восемьдесят, по древнегреческим представлениям — период умственной зрелости. Хорошо помню, как бегал в церковноприходскую школу, как батрачил на помещика, как отец, безземельный крестьянин, мечтал, чтобы я стал землемером, и, отказывая себе во всем, устроил меня в Кишиневское городское училище. И тут улыбнулась фортуна: совершенно случайно я познакомился с преподавателем Бессарабского училища виноделия и в 1911 году с его помощью сдал вступительные экзамены... Революция и гражданская война застали меня на Дону, тогда я преподавал в школе виноделия на хуторе Пухляковском. Что творилось в тех краях, наверное, знаете из рассказов Шолохова. Особенно трудно было нам, иногородним. И снова мне повезло — остался жив. Разбили белогвардейцев — новая война, теперь уже с голодом и разрухой. До виноделия ли, кажется, Советской власти?! Но в 1923 году в Новочеркасске организовали винзавод, и меня назначили помощником винодела. Знаете, чем мы занимались? Из старого вина, обнаруженного в подвалах помещиков, делали молодое, дешевое. Скажете, неразумно? Нет, сударь мой, очень даже разумно. К вашему сведению, в целях сохранения здоровья трудящихся производство водки тогда было запрещено, поэтому мы выпускали недорогие виноградные вина... Позже меня перевели в Ростов, и я стал главным шампанистом завода шампанских вин. Тогда-то мы и разработали новый, резервуарный способ производства. Проблем было много, но мы добились, что шампанское стало созревать не в бутылках, а в емкостях по десять тысяч литров, и не три года, а всего месяц!

— Когда же вы вернулись на родину, в Молдавию?

— Осенью сорок четвертого... Сколько лет ждал этого часа, а когда попал в родные края, больше всего был поражен тем, что за пятьдесят лет ничего не изменилось. Я, конечно, знал, что боярская Румыния превратила оккупированную часть Бессарабии в сырьевой придаток, но нельзя же было до такой степени запускать землю и виноградники! О виноделии и говорить нечего, оно было в том же состоянии, каким его в конце прошлого века описали Брокгауз и Ефрон.

Петр Николаевич достал с полки старенький томик, надел очки и нашел нужную страницу.

— Послушайте-ка: «Общая картина крестьянского виноделия крайне жалкая, и нетрудно понять, почему. Виноделие требует много знания, требует достатка для правильного хозяйства, а ни того, ни другого у бессарабца нет. У него только есть что ноги, которыми он топчет виноград, у него есть плохая бочка, в которой он ведет варварским способом брожение грязного сусла. С такими приспособлениями, конечно, вина получить нельзя, и надо еще удивляться, как в некоторых местах бессарабцы, предоставленные вполне своим силам, справляются до известной степени с виноградом и получают то, что уже можно назвать вином». Одним словом, начинать пришлось с нуля: закладывали виноградники, строили заводы, обучали специалистов, а заодно создавали новые сорта вин. Теперь Молдавия дает четвертую часть общесоюзного сбора винограда, а по производству вина занимает третье место после Украины и РСФСР. О качестве этих вин и коньяков можно судить хотя бы по количеству медалей, полученных на международных конкурсах: их 228, в том числе 103 золотых.

Беседа со старейшиной молдавских виноделов закончилась неожиданно. Он вдруг взглянул на часы, схватился за голову и решительно встал:

— Все, больше нет ни минуты. Спешу на заседание редколлегии: сегодня обсуждаем очередной номер журнала «Садоводство и виноградарство...»

Уже в дверях Петр Николаевич извинился за спешку и добавил:

— Если позволите, несколько советов... Я не очень силен в коньяках, наши лучшие специалисты в Тирасполе. К тому же на тамошнем заводе много лет работал мой старый друг, матрос с «Потемкина» Алексей Федорович Царев. И еще. Если будет время, побывайте в Котовском районе — там плантации лучшего виноградаря Молдавии Пантелея Андреевича Гурюка. В прошлом году он собрал фантастический урожай — по 164 центнера с гектара. Я все никак с ним не повидаюсь, а очень хочется распить бутылочку вина, сделанного из его винограда, и поклониться за всех виноделов — ведь хорошее вино рождается на плантации.

Конечно же, я не мог не последовать совету Петра Николаевича и в тот же день отправился в Тирасполь. С портретом Алексея Федоровича Царева встретился у Дома Советов. Я не раз видел фотографии Алексея Федоровича и потому сразу узнал лихого матроса с «Потемкина»: тот же удалой прищур, те же усы, тот же разворот плеч и удивительная мягкость и доброжелательность во всем облике. Потом я попрощался с портретом почетного гражданина города и прошелся по улице Царева, заглянул в школу имени Царева, постоял у мемориальной доски Царева, посетил его бывшую квартиру и, наконец, отправился на винно-коньячный завод, где Алексей Федорович работал много лет.

— Четыре года, как не стало Алексея Федоровича,— с горечью вспоминает заместитель директора П. А. Дьяченко,— а кажется, будто он только что вышел из кабинета. Ведь он очень долго был здесь начальником тарного цеха и бессменным секретарем партийной организации. Он столько успел сделать, что мы и до сих пор пользуемся творениями его рук. Да что там говорить, я сам, можно сказать, дело рук и души Алексея Федоровича!

Павел Афанасьевич отошел от окна, сел за стол и продолжал:

— Родом я из-под Тирасполя. В сорок четвертом семнадцатилетним парнишкой принял первый бой с прорывающимися из окружения фашистами. Потом закончил саперную школу и целый год разминировал окрестности города. Хотя саперу положено ошибаться только один раз, я ошибался три раза, но чудом уцелел. Однажды подрывал пятнадцать тонн противотанковых мин и снарядов. Тола заложил достаточно, а бикфордов шнур решил сэкономить. Рвануло раньше, чем я добежал до укрытия. В другой раз... Ладно, не об этом сейчас речь. После демобилизации пришел на завод. Я уже был коммунистом, поэтому прежде всего отправился к секретарю парторганизации. «Что умеешь делать?» — спрашивает Царев. «Мины,— говорю,— снимать, бомбы обезвреживать. Могу без звука убрать часового, потому как имел дело с бандеровцами». «А еще что?» «Больше ничего». «Совсем ничего?» «На баяне могу. По слуху, конечно». «Вот это нам и надо! — обрадовался Царев.— Пойдешь завклубом». «Есть! — говорю.— Разрешите исполнять?» «Валяй! Скоро Новый год, так что организуй бал-маскарад».

Так и сказал: бал-маскарад. Про маскарад я сообразил, а бал — черт его знает, как его делают, этот бал? Спросил у Царева. Сперва он засмеялся, а потом честь по чести все объяснил. «Только,— говорит,— без полундры! Чтоб на танцах был полный порядок». «А фейерверк можно? Я ведь сапер, так что рванем по первое число! Огонь и дым гарантирую, а также острые ощущения». «Нет, старшина, обойдемся без ощущений. Я же говорю: без полундры!» Но полундра все же была: директор уперся и ни в какую,— мне, мол, нужен завклубом со специальным образованием, чтоб массовик был и затейник, а не баянист-подрывник. Но Царев настоял на своем... Эх, и бал я им закатил! Не бал, а сплошной маскарад! — рассмеялся Павел Афанасьевич.— В общем, дело пошло. Потом я стал бракером в коньячном цехе, был избран заместителем секретаря парторганизации, то есть самого Царева. Так что работал с ним бок о бок.

Дело прошлое, но взялся он за меня поматросски. Прежде всего заставил поступить в вечернюю школу. Как я ни отпирался, как ни юлил, а десятилетку закончил. Десятилетку же! А ему мало. Можно сказать, загнал в кишиневский техникум виноделия и виноградарства. Знаете, как бывает на заводе: план горит, тары нет, глядишь — и ЧП свалится, а мне не до этого — сессии, семинары, контрольные. Сколько раз собирался бросить, но Алексей Федорович устраивал такие полундры, что я снова садился за книжки. В общем, добил и техникум... И тут Царев на пенсию собрался. Меня же избирают вместо него секретарем партийной организации. Вот когда я понял, что уж теперь-то наверняка «подорвусь»: горяч я, вспыльчив, а такой характер не для партийного работника. Пошел к Цареву. Проговорили всю ночь. В общем, на первых порах он помогал... Он же благословил меня на пост заместителя директора. До последнего дня Алексей Федорович заходил на завод, и надо было видеть, как встречали его люди, как радовались случаю побеседовать с этим замечательным человеком. Я с полной ответственностью заявляю: в том, что наш завод стал крупнейшим в республике, что мы выпускаем марочные коньяки, получившие Знак качества, огромная заслуга матроса с «Потемкина» Алексея Федоровича Царева.

...Белый аист. Я уже говорил, что почет этой птице особый. Живые — разгуливают по лугам, бетонные — застыли у въездов в города, металлические, раскрашенные «под живых»,— стерегут колодцы. Есть такой колодец и в знаменитой виноградной чаше Котовского района. Здесь-то мы и встретились с Героем Социалистического Труда, кавалером двух орденов Ленина и ордена Октябрьской Революции П. А. Гурюком.

— Я специально поджидал вас тут,— сказал он,— чтобы показать наши виноградники. Иначе заблудитесь и... Какой это сорт? — неожиданно спросил Пантелей Андреевич.

— «Совиньон»! — храбро бухнул я.

— Похоже. Но все же это «Сильванер». Вы запомните: на восточных склонах лучше всего растет «Алиготе» — из него делают шампанское; на южных и юго-западных — «Ркацители» и «Каберне» — вина с этими названиями вам наверняка известны; на северных — «Совиньон» и «Сильванер», идущие на коньяки... А вот и мой участок!

Пантелей Андреевич остановил свой «Запорожец» и подошел к шпалерам.

— Вы только посмотрите, какие крепкие кусты! А какие полные грозди! И сколько их! Да-а, пожалуй, пахнет новым рекордом! — довольно улыбнулся он.— Именно здесь удалось получить по сто шестьдесят четыре центнера с гектара, но это, конечно, не предел. Мы тут малость помудрили, и кажется, не зря... Да и солнце здорово печет. Винограду это нужно, а вот мне совсем ни к чему,— вздохнул он и нырнул в тень.

Я и раньше заметил, что Пантелей Андреевич, выходя из машины, нахлобучивает видавшую виды шляпу, а если забывает, то старается спрятаться в тень.

— Ранение,— пояснил он, когда добрались до бригадного стана.— Зацепило осколком, да так сильно, что вышибло кусок кости. Так что звоевал я мало. Да и в румынской армии, слава богу, вместо винтовки дали лопату. Нас, молдаван, мобилизовали восстанавливать железные дороги, но мы их так «ладно» ремонтировали, что поезда не ходили месяцами... Я ведь отсюда, из Бозиен. В сороковом, наконец, воссоединились с Советской Молдавией. Только-только вздохнули, а тут война. И года не пожили по-человечески. Сейчас вот рассказываю, как тут было до сорокового года, никто не верит, а ведь мы тогда даже хлеб ели только два раза в год — на пасху и на рождество, все остальное время — мамалыгу. О винограде понятия не имели. У помещика, правда, немного росло, но это был низкосортный, так называемый гибридный виноград. Его собирали не больше пятнадцати центнеров с гектара. Между прочим, другого сорта в Молдавии вообще не было, и после войны мы, можно сказать, заново создавали культурное виноградарство. Но и это не сразу... В сорок седьмом, когда в разгар коллективизации кулаки убили нашего председателя сельсовета, на этот пост избрали меня. Хлебнул я тогда, как говорится, полной мерой. Потом работал в МТС, а с пятьдесят первого руковожу виноградарской бригадой. Так что теперь я, можно сказать, ветеран.

Потом он вдруг крякнул и довольно потер руки!

— Ничего, мы им еще покажем! — погрозил он кому-то пальцем.

— Кому? — не понял я.

— Да всем! — засмеялся Пантелей Андреевич.— Не обращайте внимания, это я так, от радости. Внук у меня родился. Третий! Всю жизнь, понимаете, не везло: семь дочек и ни одного сына. Слова мужского сказать, вина

Республиканский молодежный центр имени Гагарина.

На Тираспольском заводе литейных машин имени С. М. Кирова выполняется заказ для КамАЗа.

Полмира аплодировало девушкам из ансамбля «Жок».

Будущая «звезда» художественной гимнастики.

Тираспольский драматический театр.

выпить — и то не с кем. Не дом, а женский монастырь. Зато теперь пошли внуки — и все парни. Ничего, мы им еще покажем! — снова погрозил он пальцем.— То ли еще будет, когда и младшие выйдут замуж! Подрастут ребята, будет кому передать бригаду. Пусть под другими фамилиями, но нашему семейному делу жить и жить. Мы же виноградари. Мы родились и выросли на этой, политой потом и кровью земле. Кому же ее возделывать, как не нашим внукам?! Ничего, пусть растут, а уж я их научу, как бить рекорды дедов.

НА СЕВЕРЕ КРАЙНЕМ

От Кишинева до Бричан чуть больше двухсот километров, но разница в климате заметная. В столице прекрасная солнечная погода, а в Бричанском районе второй месяц не прекращаются дожди. Конечно же, возникли трудности с уборкой хлеба, нехватка солнца сказалась и на садах... Но самое неприятное — после сильных дождей в Карпатах на восемь метров поднялся уровень Прута. Пенный вал вырвался из берегов, хлынул на поля, фермы и поселки.

— Мы были готовы к этому разгулу стихии,— рассказывает председатель Бричанского райисполкома М. П. Бабой.— Быстро эвакуировали часть поселков, вывезли скот, в наиболее опасных местах построили дамбы. Но поля, конечно, пострадали: сдержать вал воды высотой с трехэтажный дом — дело сложное, а порой невозможное. И все же большинство посевов спасли, как, скажем, вот эти, принадлежащие колхозу «Пограничник».

Дорога ныряет в долины, взлетает на холмы... Места, казалось бы, ничем не отличаются от тех, что под Котовском. Но виноград здесь не сажают — холодно. Зато урожаи пшеницы, кукурузы и подсолнечника отменные.

А вот и цель нашей поездки — село Ларга. Сказать, что мы были поражены, значит ничего не сказать! Казалось, мы находимся внутри картины, написанной веселым, не боящимся ярких красок художником. Что ни дом, то произведение искусства. Что ни забор, то задорная, строгая или лукавая зарисовка. Что ни колодец, то искусная поделка столяра. А Дом культуры, магазин, детские сады, музыкальная школа! С какой любовью, тщанием и задорной фантазией оформлены эти, если так можно выразиться, казенные здания!

Мы ходили по улицам с председателем сельсовета И. М. Лупашко, и он рассказывал:

— В Ларге — на пять тысяч шестьсот жителей две тысячи шестьсот четыре дома. Это были обычные для наших мест дома, сделанные из шлакоблоков: материал темно-серый, а то и черный. Представляете, как уныло выглядело село... И вот однажды, когда на заседании сельсовета обсуждали вопросы благоустройства, зашел разговор о внешнем виде наших домов, магазинов, школ. Спорили до петухов. Дело прошлое, но были люди, которые считали: не красна изба углами, а красна пирогами. Мы все-таки доказали, что пришла пора заняться углами. Пример, само собой, должны подать депутаты. Но ведь не все умеют делать резные наличники или подбирать оригинальный рисунок и соответствующий колер для окраски забора. Да и вкус, прямо скажем, есть не у всех... Посоветовались с районным архитектором, из наиболее способных людей создали комиссию по благоустройству села, выделили необходимые средства и... Вы думаете, я скажу: работа закипела? Как бы не так! Я, например, после трудового дня делаю петухов на крыше, жена с детьми раскрашивают забор, а соседи попивают домашнее вино и ухмыляются: нам, мол, и так неплохо. Но когда несколько домов стали, как игрушка, за дело взялись даже самые рьяные маловеры... Теперь ни один дом не строится без разрешения архитектора, который просматривает и, если надо, исправляет проект. А нам пришлось организовать специальную бригаду, в которой есть не только печники и водопроводчики, но также озеленители и маляры-художники. Я уж не говорю о том, что первая суббота каждого месяца — санитарный день. Жители приводят в порядок дома, сады, заборы, тротуары, а специальная комиссия придирчиво выставляет оценки. Вы не представляете, что значит для хозяйки получить «тройку»! Позор на все село. А конкурс заборов! Я не бывал на международных выставках, но подозреваю, что страсти у нас кипят такие же.

Уезжали мы в середине дня. Разбежались косматые тучи, растаяли облака, брызнуло солнце, и село стало еще краше. Жаль, очень жаль расставаться с этой веселой, праздничной картиной. Будто понимая наше состояние, Иван Михайлович притормозил у колодца, увенчанного все тем же аистом.

— На дорогу мы всегда пьем из этого колодца,— сказал он.— И не было случая, чтобы кто-нибудь не вернулся.

Теперь мы знаем, Ларга, что снова свидимся, ведь мы выпили твоей студеной, обжигающей зубы воды.

И снова дороги... Снова заводы, фабрики, животноводческие комплексы, виноградники и люди — веселые, улыбчивые, гостеприимные... Но рано или поздно всякая дорога заканчивается и путешествию приходит конец.

Вот и Внуковский аэропорт столицы. Уже здесь я почувствовал нечто странное: хотелось не домой, а назад, в Молдавию. Что ж, видно, прикипел я к тебе сердцем, прекрасная Молдова, и так уж написано на роду — с горечью расставаться и снова ждать встречи.

ВЕСНА И СОЛНЦЕ

За последние несколько лет все чаще и чаще появляются на страницах печати Молдавии стихи Нины Жосу. Работает она вдумчиво, неторопливо, а поэтому ее строки стройны, несут глубокую мысль, свежий образ. Нине 21 год. Родилась и выросла она в селе Цыганка, Кагульского района, в крестьянской семье. Сейчас она занимается в Литературном институте имени А. М. Горького.

Я люблю поэзию Нины Жосу и верю в ее литературное будущее. «Искусство,— говорил М. Горький,— должно облагораживать людей». Стихи, выходящие из-под пера молодой поэтессы, вполне обладают этим качеством. «Как я мала»,— говорит она и тут же: «...большою быть желая». Поверим ее мечте: она очень искренна.

Петря ДАРИЕНКО

Нина ЖОСУ

КОЛОДЦЫ

Когда мы добираемся до дна их,
колодцы начинают тихо плакать.
Колодцы плачут,
мы берем их слезы,
пьем,
жадно утоляя свою жажду...
А плачущие тихие колодцы
считают звезды, ищут тайны неба.
Колодцы плачут,
и ликуют люди,
теряя рук и плеч своих
усталость.

ПОГОВОРИМ О ЖИЗНИ

Давай о жизни тихо говорить,
как о любви друг другу говорят,
как о весенних первых родничках,
похожих на детей голубоглазых,
что учатся ходить...
Поговорим
о жизни,
как о синем небе,
которое колышут журавли.
Давай о жизни тихо говорить,—
вполголоса,
как «Лунную сонату»
на фортепьяно можно исполнять.

НА ПОСИДЕЛКАХ

На посиделках женщины прядут —
струятся нити прожитых мгновений,
и в пряжу вплетены
то грустный вздох,
то колокольчик сказки,
то раздумье...
Становится грубей и толще нить,
все утолщается,
грузнея, как змея,
как мертвая луна —
круглей свинцовой пули...
Вновь утончают женщины ее,
глаза свои ладонью вытирая.

Перевел с молдавского Петр ПАРХОМОВСКИЙ.

МГНОВЕНЬЕ

Мгновенность жизни вновь открылась мне,
мой белый лист, продли мне их, мгновенья,
чтоб на листе, на камне, полотне
они не знали горечи забвенья.
Но долго зреть им в немоте строки,
как долго копит сердце свет горящий...
Пока они не выльются в стихи,
я остаюсь скупой и преходящей.

Перевел с молдавского Ю. НАДТОЧИЙ.

* * *

Я так мала у дерева в цвету,
у лепестков застенчивых и млечных,
которые подъемлют высоту
на высоту небес, огромных, вечных.

У капли света, из которой прочь,
нерастворимой чернотой пылая,
перед приходом дня уходит ночь,—
у этой малой капли так мала я!

Ресничинка травинки, искра дня,
как я мала, большою быть желая!
Мала, если земля — возле меня,
и если рядом Человек,— мала я.

Я — ЛИСТ

Я — лист,
который ждет весны и солнца,
и с ними
в чреве почки он проснется.
Когда в ушах
осенних ветров свист
и нет тебя,
я — одинокий лист.
Я — лист,
лишь ветру я с любовью внемлю:
пускай сорвет,
но даст взамен всю землю.

Перевела с молдавского Римма КАЗАКОВА.

МОЛНИЯ В УПРЯЖКЕ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Хотите увидеть, как работает молния? — спросили меня в Президиуме Академии наук Молдавской ССР. — Тогда поезжайте на Академическую, 5, в Институт прикладной физики. Сотрудники этого института загнали молнию в упряжку и обучают ее самым различным профессиям.

ОГНЕННЫЙ ХУДОЖНИК

...Мария Христофоровна Стойкова склонилась над рисунком. Еще штрих «карандаша», еще... И вот уже на металлической поверхности возникает портрет Кантемира.

— Институтский сувенир к 250-летию Академии наук,— объясняет она.

«Карандаш», которым рисует по металлу Стойкова, не простой. В маленькой женской руке бьется электрическая искра, та самая, что сродни молнии небесной. Температура искры — тысячи градусов!

Мария Христофоровна выключает «карандаш», соединенный проводом с небольшим, аккуратным прибором, стоящим тут же на письменном столе, и меняет серебряный «грифель» на вольфрамовый.

Сто раз в секунду между «грифелем» и поверхностью картины проскакивает искра, оставляя след расплавленных металлов.

В соседнем помещении стоит еще более интересный прибор. С его помощью тут же при мне на стальное кольцо был нанесен один из самых тугоплавких материалов — карбид вольфрама. Теперь стальное кольцо приобрело невиданную твердость — оно стало резать стекло, как алмаз!

Да, здесь наглядно видишь, какими возможностями обладает электрическая искра. Ее можно применить в технике, в самых различных отраслях промышленности, например, в металлургии.

— Все наши разработки пошли от электроискрового метода, предложенного супругами Лазаренко,— рассказывает руководитель лаборатории импульсной газовой электроники Сергей Петрович Фурсов.— Как испокон веков обрабатывали твердые вещества? Резали, обтачивали, клали под пресс. Развивающаяся техника требовала все более прочных материалов, а они все труднее поддавались обработке.

Для искрового метода твердость практически не имеет значения. Нет такого материала, который бы не покорился силе прирученной молнии. Причем с помощью автоматически действующих электроискровых установок металл может быть обработан с точностью, недоступной самому искусному ювелиру.

О СВЕЖИХ ПЕРСИКАХ, «КОСМИЧЕСКОМ» ХОЛОДЕ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ

Странное название, не так ли? Могут ли персики оставаться свежими при «космическом» холоде и, наконец, при чем здесь электричество?

В лаборатории теплофизики мне предложили свежий персик. Как же я удивилась, узнав, что плод созрел... три года назад. Почему же он сохранился, да еще таким сочным?

Мне показывают брикеты оранжевого, вишневого, красного цветов. Стоит их опустить в самую обыкновенную воду, как по комнате разносится аромат абрикосов, черной смородины, вишни. А по вкусу этот продукт ничем не отличается от только что приготовленного фруктово-ягодного пюре. Как удалось этого добиться?..

Уже несколько десятков лет существует способ консервирования, названный сублимацией. Сначала продукт замораживают при поистине «космическом» холоде, а потом высушивают. Причем сушат в вакууме, для того чтобы не дать льду растаять, превратиться в воду, а сразу переводят в пар. Оказалось, что электромагнитное поле значительно ускоряет и процесс замораживания и процесс сушки.

Любой материал сушится обычно с поверхности. Внешний слой высыхает раньше и превращается, по существу, в изолятор: не дает выйти на поверхность влаге, ставшей теперь паром. Токи же сверхвысокой частоты прогревают материал равномерно во всем объеме.

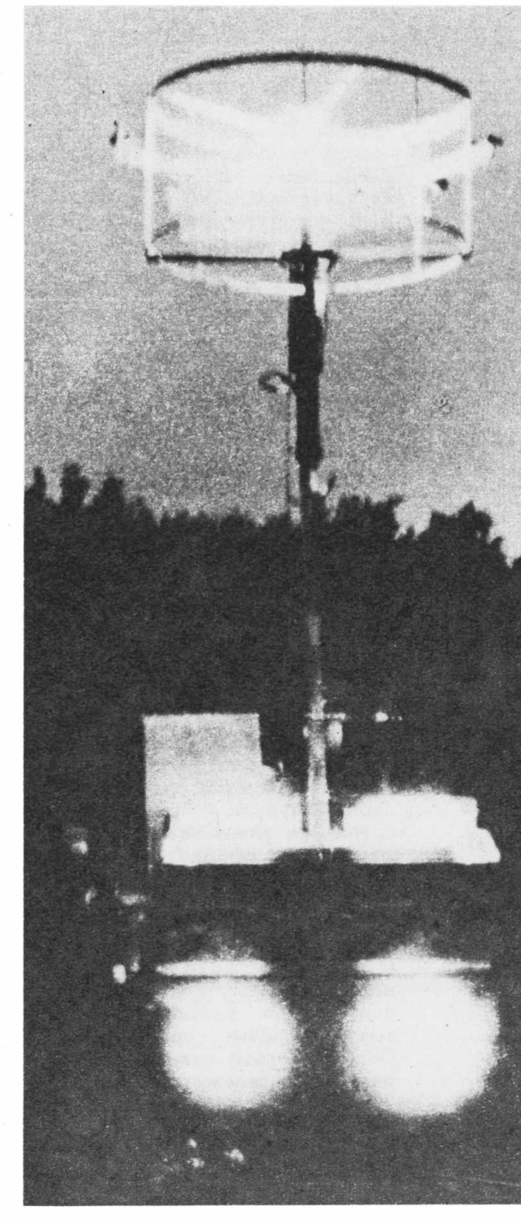
— В нашей лаборатории доказано, что можно в несколько раз повысить теплоотдачу в электрическом поле,— рассказывает заместитель директора института Мирча Кириллович Болога.— Нам удалось установить взаимосвязь свойств материалов с поглощением энергии сверхвысокой частоты. Регулируя температуру материала, можно управлять процессом. И вот итог — более чем в три раза увеличилась скорость сушки. Фрукты стали теперь почти невесомы: из них ушла вся влага. Вас интересует, как их опять превратить в свежие? Достаточно опустить в воду.

— А не влияет ли такое обращение с фруктами на качество? Морозили, сушили, да еще токами сверхвысокой частоты... Вы ведь физики, а не пищевики, не можете все учесть.

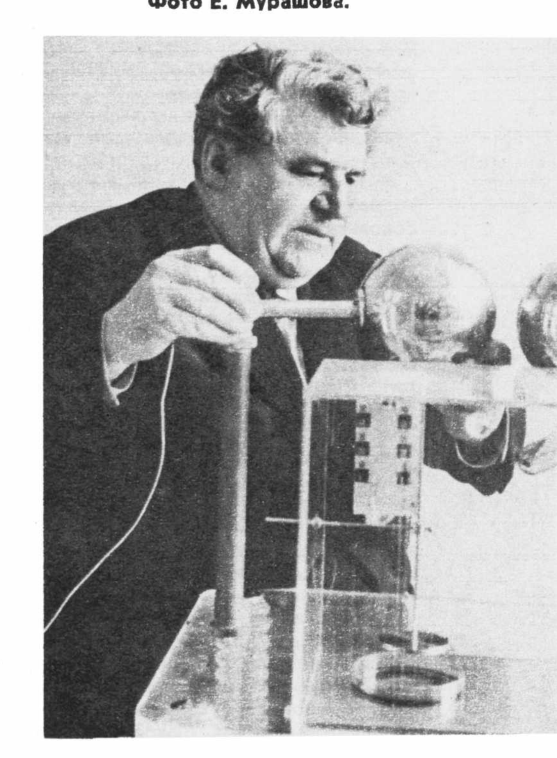
— Наши эксперты в этом толк знают, — отвечает Мирча Кириллович. — Работа ведется совместно с Молдавским научно-исследовательским институтом пищевой промышленности. Эксперты дали очень высокую оценку нашему методу. Мало того, что он ускоряет консервирование — продукты получаются превосходными. Например, витамин С в ягодах и фруктах сохраняется на 95 процентов.

— Почему вы вдруг занялись фруктами, ведь это так далеко от физики?

— Так ведь я молдаванин, родился в селе, знаю, как хороши

Электрическая ловушка для насекомых-вредителей.

Академик АН Молдавской ССР Б. Р. Лазаренко.

Фото Е. Мурашова.

фрукты в нашей щедрой на солнце республике,— улыбается Мирча Кириллович. — Фрукты и ягоды надо сохранять, чтобы и на севере суровой зимой ими полакомились люди.— И уже серьезно продолжает:— Я учился на физическом факультете Кишиневского университета, а аспирантуру заканчивал в Москве, в Энергетическом институте имени Кржижановского. Там мне привили интерес к исследованиям. В моей работе сочетаются два направления — электрофизика и теплофизика. А сублимация продуктов токами сверхвысокой частоты лишь один из практических выходов исследований лаборатории.

НОВЫЕ ПРОФЕССИИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

С какими только профессиями электричества не встретишься в Институте прикладной физики!

Вот, например, работы, которые ведутся совместно с физиологами растений и селекционерами. Ученые пытаются понять сложный механизм воздействия импульсного солнечного света на семена растений. Уже выяснено, что свет — мощный стимулятор роста, он повышает всхожесть семян, делает зерна кукурузы и пшеницы более крупными, увеличивается урожайность. Соя обычно не успевала вызревать в Молдавии, но если облучить семена, вегетационный период намного сокращается.

Солнечный свет служит тонким и пластичным оружием селекционера, позволяет ему менять наследственную природу растений, выводить новые сорта. Но, увы... Солнце нельзя включить и выключить по своему желанию.

Что делать, если идет посевная, семена надо облучать, а солнца нет? Сотрудники Института прикладной физики создают специальные устройства с ксеноновыми лампами, свет которых оказывает на семена почти такое же действие, как солнечный.

Связь кишиневских физиков с сельским хозяйством все расширяется. На всех сельскохозяйственных станциях Молдавии уже действуют так называемые сигнализаторы лета—световые ловушки для насекомых-вредителей. Они дают сигнал химической защите — «садам угрожает опасность!».

А вот еще одна профессия электричества — получать сок из овощей и фруктов.

«Какая же это новая?— могут возразить мне.— Электрическая соковыжималка есть почти в каждой семье!»

В соковыжималке электричество переходит в другой вид энергии, всего лишь заменяя силу наших рук. Здесь же речь идет о непосредственном воздействии электрических сил, так сказать, в чистом виде, без перевода в другие виды энергии.

Работников пищевой промышленности давно занимал вопрос: как извлечь из овощей и фруктов весь сок, без остатка? Уж очень много остается его после обработки, жалко выкидывать ценный продукт.

Оказывается, электрическое воздействие обладает способностью ломать так называемые межклеточные перегородки, заставляя овощи и фрукты более полно отдавать сок. Выход его повысится на 10 процентов. Представляете, сколько будет «дополнительного» сока в масштабах лишь одной Молдавии! И главное — почти даром.

Такая установка на опытном заводе института уже доводится до кондиции. Но об опытном заводе разговор особый.

ИЗ ЛАБОРАТОРИИ — В ЦЕХ

«Если не видишь конкретного воплощения своих мыслей, своих научных идей,— работать неинтересно». Эту фразу я слышала от многих сотрудников Института прикладной физики. Услышала и от директора, вице-президента АН Молдавской ССР Б. Р. Лазаренко.

Однако исследователь, скажем, физик, пусть даже глубоко заинтересованный в скорейшем внедрении своих открытий в промышленность, самостоятельно довести их не может. Ученый разработал новый принцип, на котором будет основана не существующая еще установка, а строить ее должны конструктор и инженер, работающие часто совсем в другом ведомстве. Это затрудняет процесс внедрения.

— Как решается проблема в вашем институте?— спрашиваю я у Лазаренко.

— Нет у нас этой проблемы. Нет и не может быть,— отвечает ученый. — Потому, что одновременно с академическим институтом мы создали и свой опытный завод.

— Каковы его функции?

— Во-первых, создавать исследовательские приборы для института, которые не выпускают ни у нас в стране, ни за рубежом. Сложному физическому институту такая техническая база необходима, как воздух. Во-вторых, на нашем заводе мы делаем опытные и опытно-промышленные образцы задуманных учеными установок.

— Передаете документацию заводу, и он самостоятельно изготавливает новые опытные установки?

— Нет. Наш завод представляет собой как бы единый организм с институтом. Сказать, что институт — голова, а завод — его руки, будет упрощенно и неверно. Поясню на примере: в ходе научных исследований намечается интересный практический выход. Работа ученых еще продолжается, но к теме уже подключаются заводские конструкторы. На последней стадии исследований ученые и конструкторы работают бок о бок, а потом вместе готовят техническое задание на производство новой установки.

Нельзя нашему институту быть без опытного завода, — продолжает ученый. — Думаем его расширять. Да и институт разросся. Может быть, отдельные темы уйдут от нас, заживут самостоятельной жизнью.

— А чем вы будете заниматься?

— Останусь верен электричеству. Ведь возможности этого удивительного вида энергии далеко не исчерпаны. Помните замечательные слова В. И. Ленина: «...Недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию...»

Этим и будем заниматься, придумаем для молнии новые профессии.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Сайфи КУДАШ,
народный поэт Башкирии

АРОМАТ РОССИИ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Памяти моей матери
Шамсибадар

Часы луны
Тревожны и тихи.
И нет глазам нигде
От них защиты.
И крыльями
Не машут петухи.
И ни одни ворота
Не открыты.
Хотя трещит зима
В календарях
И в пору
Снега пышная нарядность,
Не может
Первый иней на полях
Укрыть
Земли осенней
Неприглядность.
Но кто же затопил так
Печи те,
Как будто вспомнил он
Внезапно детство?
Откуда этот запах
В темноте,
Внушающий
Вина хмельное действо?
Кто это там,
К моей мечте ревнив,
Прервал в ночи
Свой сладкий сон глубокий?
Кто это там,
Зарю опередив,
Так рано встал
И свет зажег высокий?

Да это ж матери моей
Окно!
Мать — солнышко в дому —
Встает до света.
Здесь детства нашего гнездо.
Оно
Священной теплотой ее
Согрето.
Кто встанет
Раньше
Матери моей!..
Расставит все предметы
По порядку,
И рукава засучит
До локтей,
И полную
Замесит теста кадку...
Я вижу,
Как глаза ее глядят
Сквозь темноту
В холодные просторы.
И так идет
Лицу ее простому
Невинный
И печальный этот взгляд...
Дрова сырые высушив,
Она
К ним поднесет
Трескучую лучину.
И сядет у печи,
Озарена,
И примется
Латать рубашку сыну...

А я стою...
Года не сбросить с плеч...
И чья-то мать
В заботе деревенской
Торопится
В окне рассвет зажечь,
Затянутый
Ночною занавеской.
Рассвет...
Какой рассвет со всех концов!
И мать склонилась,
Сон оберегая
Своих беспечно дышащих
Птенцов.
И теплые
Дымятся
Караваи...
Что сделалось со мной?
От слез ослеп?
Иль хочется мне
Снова стать мальчонкой
И отломить счастливо
Добрый хлеб,
С любовью материнской
Испеченный?
Или на всех
Наводит эта даль
В сиянии
Березово-белесом —
Как запах детства,
Светлую печаль,
Когда едва
Заря горит над лесом?
Туман спадает.
Утренний простор
Я обвожу
Спокойным, ясным взглядом.
Гора Чагыл
И дальний косогор
Теперь
Совсем уж кажутся мне рядом.
Вот конь гнедой
Стоит невдалеке,
Всю жизнь пахавший бодро
Эти склоны.
Как месяц,
Серп у матери в руке.
И тяжелы
У ног отца суслоны.
Как будто в сердце
Волны ржи летят
И дымом веют
Ветры грозовые...
И лечит душу
Хлеба аромат,
Уютный запах
Матери России!

Перевел с башкирского
В. ШАРГУНОВ.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. СУРКОВА

ТВОРИТЬ СТИХИ И ЖИЗНЬ

Михаил ЛЬВОВ

Исполняется 75 лет Алексею Александровичу Суркову, одному из больших советских поэтов, которые воистину приняты народом, чье творчество неразрывно связано с нашей поэзией и жизнью. Достаточно вспомнить годы Великой Отечественной, представить нас, тогдашних — каждого в отдельности и всех вместе, каждого солдата и всю армию, каждого человека и весь народ — без стихов Тихонова, Твардовского, Суркова, Симонова, Исаковского, Прокофьева, Берггольц и других активнейших поэтов того времени просто невозможно. Их стихи были составной — звонкой и сильной — частью нашей клятвы Родине, времени, будущей победе. Это, конечно, было ясно нам и тогда, а теперь, на историческом расстоянии, накануне 30-летия Победы, становится еще ясней. «Идут года и кажутся веками»,— писал Ярослав Смеляков, и все зримей, грандиозней и наши победы, и наши люди, дела и поступки наши, и слова. Сейчас уже смело можно перечислить многие бессмертные стихи и песни Великой Отечественной — к ним, несомненно, принадлежат и «Вставай, страна огромная» Лебедева-Кумача, доныне — до мороза по коже — пробирающая нас, и «Жди меня» Симонова, и «Землянка» Суркова.

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Алексей Сурков родился в канун XX века, на земле некрасовской, на Ярославщине, в заволжской деревушке. Он родился в народе и, как многие советские поэты, прошел настоящую школу народной жизни.

Я не буду подробно рассказывать о жизненном пути юбиляра — читателям знаком он: в юности — рабочий, потом — гражданская война, годы строительства новой жизни на селе и в городе, участие в финской кампании, в Великой Отечественной.

Мне хочется сказать несколько слов о главном в творчестве каждого поэта — о времени, в нем преломленном, о его поэтическом и политическом пафосе.

«Поэтом меня сделала Октябрьская революция»,— писал Сурков.

Его герой — рядовой великой борьбы, который начисто лишен «героической позы», самолюбования, рисовки. Ему такое не только не свойственно, но и непонятно.

Герои Суркова — труженики в самом прямом смысле этого слова. А час пришел — именно эти люди стали и тружениками войны. Это они добыли победу!

Юношей я читал выступление Суркова на I съезде советских писателей... И запомнил. Через сорок лет с радостью я слушал выступление мудрого патриарха советской поэзии Николая Семеновича Тихонова. На юбилейном пленуме СП СССР 3 сентября этого года в Колонном зале он сказал:

«Поэтическая дискуссия (на I съезде писателей.— **М. Л.**) приняла горячий характер, разговор был критическим и острым. С большим воодушевлением восприняли участники съезда, я сказал бы, пророческие слова боевого запевалы — Алексея Суркова, сказавшего: «Давайте не будем размагничивать молодое красногвардейское сердце нашей хорошей молодежи интимно-лирической водой. Давайте не будем стесняться, несмотря на возмущенное бормотание снобов, простой и энергичной поступи походной песни, песни веселой и пафосной, мужественной и строгой».

И он закончил почти как читающий будущее поэт, добавив: «Давайте не будем забывать, что не за горами то время, когда стихи со страниц толстых журналов должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полевых многотиражек. Будем держать лирический порох сухим!»

Война — и Сурков становится поэтом-солдатом. Вместе с солдатами на передовой были не только его стихи и песни, но и сам он.

В дни войны каждое новое стихотворение Суркова, опубликованное в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», фронтовых газетах, было событием. Мы ждали их, не учили, а запоминали наизусть, как клятву.

Отечественная война сделала Суркова поэтом народным.

Как известно, война выдвинула замечательную плеяду молодых поэтов, точнее, поэтов фронтового поколения. Сурков одним из первых заговорил о них. Он протянул руку — с признанием и помощью — и Александру Межирову, и Семену Гудзенко, и Марку Соболю, и Платону Воронько, и Виктору Урину, и многим другим солдатским поэтам.

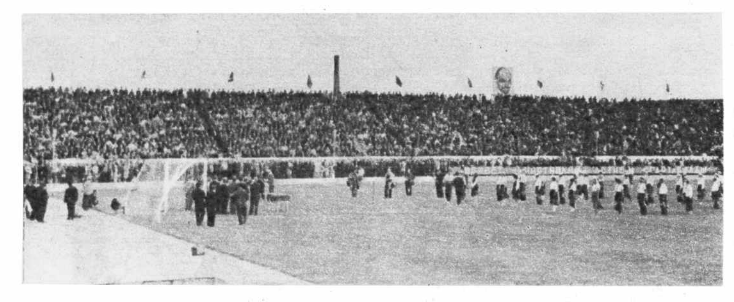
Мы все испытали на себе яркое влияние Суркова-поэта, и Суркова-солдата, и Суркова-педагога, Суркова-гражданина. Его творчество неотделимо от проделанной им большой работы на постах первого секретаря правления Союза писателей СССР, главного редактора «Огонька» и «Литературной газеты». Его общественная деятельность, широкое участие в движении сторонников мира, вклад в литературу по достоинству оценены: А. А. Сурков — Герой Социалистического Труда.

Сурков умеет удивительно сильно и точно формулировать многие вопросы в наших литературных спорах. Он прекрасный оратор. Мы всегда ждем его выступлений и слушаем их с радостью.

Сурков учит нас современности — не только своими стихами, но и всей линией своего жизненного поведения.

Истинный поэт служит своему времени, главной идее его, своему народу. Служить времени — занятие, упоительное для поэта, как и само творчество. Творить стихи и жизнь. Вместе со всеми творить время. Алексей Сурков — один из тех наших поэтов, которым далось это большое счастье.

НОВЫЙ СПОРТИВНЫЙ КОМПЛЕКС

В городе Муроме, Владимирской области, не один десяток лет существовал стадион «Локомотив». Но он устарел. Было решено соорудить новый спортивный комплекс силами тружеников Муромского железнодорожного узла. Заново сделали футбольное поле с трибунами для зрителей на 8 тысяч мест, волейбольные и баскетбольные площадки, городошные корты, беговые дорожки.

На открытие спортивного комплекса «Локомотив» пришли тысячи муромцев, приехали футболисты общества «Спартак» из города Усти-на-Лабе — столицы Северо-Чешской области Чехословакии, с которой дружит Владимирская область. Состоялся международный товарищеский футбольный матч. Победили гости со счетом 3 : 0.

Открытие стадиона «Локомотив» вылилось в большой спортивный праздник.

Н. ИСАЕВ,
фото автора

Муром.

МУЗЕЙ НА ДОМУ

Алексей Алексеевич Кондратенко столяр по профессии, но очень любит живопись, миниатюрную скульптуру, фарфор.

Вот уже много лет собирает он репродукции картин, изделия из художественной керамики, фарфора и даже памятные медали. Быть может, в его коллекционировании нет определенной системы и экспозиция его домашнего музея не отвечает строгим требованиям художественного вкуса, но тем более трогательна его искренняя увлеченность искусством, его непреодолимая тяга к прекрасному, которую он выражает просто, без затей, но от души.

На снимке вы видите часть экспозиции домашнего музея А. Кондратенко, проживающего в городе Ивантеевка, Московской области.

П. КУЛИКОВСКИЙ,
доцент МГУ

На летних квартирах.

Л. МОНЧИНСКИЙ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

МОСКОВСКИЕ

Клавдия Кувайчикова — птичница.

Два директора: Анатолий Васильевич Миронов (справа) возглавляет «Союзплемптицетрест», а Василий Васильевич Нефедов — птицезавод «Конкурсный».

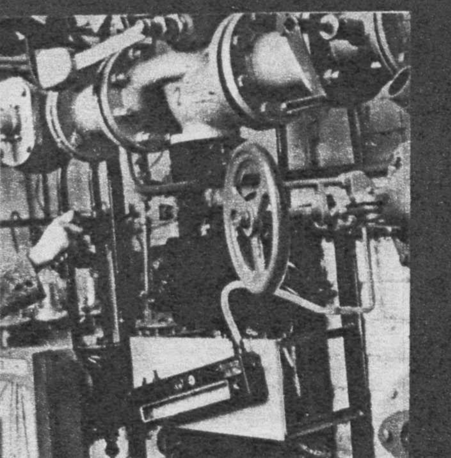

И на племя и к столу.

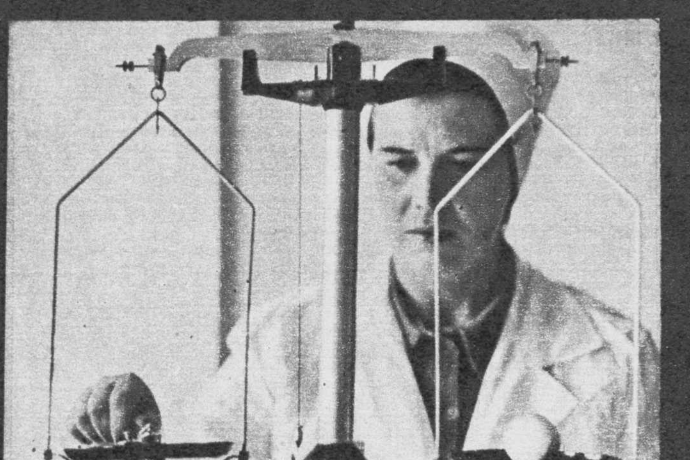
Диаграмма роста.

ТЯЖЕЛОВЕСЫ

Чтоб птицам было тепло.

Заведующая лабораторией Надежда Краснова.

Пока это игра...

Бойцы сошлись на середине лужайки, картинно выпятили грудь и ринулись в бой. Схватка была короткой, яростной. И вскоре один из петухов уже улепетывал в клетку, кудахча что-то о невоспитанности соперника и разных весовых категориях. Радостно возбужденный победитель прошелся церемониальным шагом и, вскинув голову, криком оповестил мир о своем успехе.

Мы наблюдали эту забавную сцену на подмосковном племенном птицезаводе «Конкурсный».

— Этот забияка появился у нас совсем недавно,— улыбается директор завода Василий Нефедов.— Однако, сами видите, ведет себя, как хозяин: силу чувствует. Новая порода — Гибр-73 — выгодно отличается от той, которую мы выращивали до сих пор. Обратите внимание на беглеца. Он ровесник победителя, но если Гибр-73 в свои пятьдесят шесть дней весит два килограмма сто граммов, то Гибр-47 едва достигает одного килограмма двухсот граммов. Разницу в весе подсчитать нетрудно, а ведь она-то и даст в будущем народному хозяйству тысячи тонн первосортного мяса...

Москвичи со всей серьезностью отнеслись к поставленным перед ними задачам: на первое октября 1974 года они продали птицефабрикам два миллиона четыреста тысяч штук племенных яиц, в полтора раза перевыполнив плановое задание. Река начинается с ручейков, говорят в народе. И эта громадная цифра складывалась из маленьких побед: в начале года птичницы взяли обязательство получить от каждой курицы по 172 яйца, нынче они уже берут до двухсот яиц.

Что главное в работе коллектива птицезавода? Пожалуй, добросовестность. Казалось бы, простые обязанности у птичницы: своевременно накормить птицу, проконтролировать температуру в помещении, сделать уборку. Но от того, как все это выполняется, зависят здоровье и сохранность цыплят. Коли нет у человека душевной заинтересованности, нельзя ему заниматься таким хлопотным, тонким делом. На попечении Раисы Селезневой, например, девятьсот птиц, и каждой она может дать полную характеристику, даже нрав опишет. Что это — опыт? Безусловно, его влияние значительно, но...

— Одного опыта здесь маловато, — объясняет Селезнева. — Нужно вложить и душу в свою работу, нужно, чтоб она стала для тебя единственным и необходимым занятием. Вот что главное.

Отношение к делу чувствуется на заводе даже в мелочах. Цветы вокруг птичников — вроде и незначительный штрих, а настроение у людей радостное, творческое.

Работники «Конкурсного» окончили специальные курсы, на которых ученые-птицеводы читали лекции по вопросам селекции, содержания, светового режима, лечения птиц и механизации производства.

— Курсы помогли нашим специалистам подготовиться к новым, более эффективным методам ведения хозяйства, — рассказывает зоотехник-селекционер Зинаида Петровна Хлусова.— И новшества, предложенные наукой, не застали нас врасплох. На заводе впервые в стране была применена дезинфекция яиц. Результат не замедлил сказаться: сейчас мы получаем только здоровых цыплят. Но, пожалуй, самым ответственным испытанием для нас был переход к разведению новой породы птиц — Гибр-73.

Первые партии яиц поступили в «Конкурсный» из Всесоюзного института птицеводства. Будущие тяжеловесы были поручены заботам лучших заводских птичниц. За их работой наблюдали ученые во главе с кандидатом сельскохозяйственных наук Людмилой Васильевной Шахновой. И настал день, когда послышались из яйца легкие удары. Щелчок! Забавный желтенький комочек на ладони птичницы. Деловито чистит перышки, таращит бусины глаз...

В новой пятилетке племенной птицеводческий завод «Конкурсный» в два раза увеличит производительные площади и маточное поголовье. Сейчас в хозяйстве 25 тысяч кур-несушек, а в 1978 году их станет 50 тысяч. Просторные птичники, площадки для молодняка, специальные лампы дневного света и машины для подачи кормов, которые поступают на завод по линии СЭВ из Германской Демократической Республики,— все это уже ближайшее будущее.

...Мы покидали птичье царство ранним утром. Березы кутались в голубой туман, сонный пруд был тих и неподвижен. Вдруг в настывшую тишину неба рванулось задорное, молодое «ку-ка-ре-ку». И начался петушиный концерт.

Московские тяжеловесы пробуют голоса.

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА НАСИЛИЯ

Недавно вышедший сборник «Против сионизма и израильской агрессии»* содержит важнейшие документы Коммунистической партии Израиля, статьи ее руководителей, высказывания самих сионистов и свидетельства очевидцев о бесчинствах и насилиях фашиствующих молодчиков по отношению к арабскому населению Палестины.

«Сионистская идеология реакционна потому,— говорится в резолюции XVII съезда КПИ,— что ее исходный пункт — национализм, расизм». Особенно четко это прослеживается в исследовании председателя ЦКК КПИ Вольфа Эрлиха «Сионизм: теория и практика».

Эрлих напоминает слова Иегуды Л. Пинскера: «По нашему мнению, суть проблемы такова: евреи составляют среди народов, где они проживают, практически обособленную среду, не способную ассимилироваться ни с какой нацией, и потому никакая нация не может должным образом терпеть евреев в своей среде».

Мало того, что эта нескрываемо националистическая концепция неверна в своей основе, — она, как указывает Эрлих, «по существу, оправдывает антисемитизм», чем, в свою очередь, оправдывается современный сионизм. Основоположник сионизма Герцль писал: «Наша сплоченность сохраняется в силу существования общего врага»,— и это было его основным тезисом при определении так называемой «еврейской нации».

Эрлих весьма удачно разоблачает сущность герцлевского определения нации: «Если, например, в Чикаго сплоченно действует группа гангстеров против соперничающей группы гангстеров, то и она имеет право по критерию «принадлежность и общий враг» называть себя нацией».

И в самом деле, сионистские организации строятся наподобие гангстерских — в них та же круговая порука, уничтожение колеблющихся, строжайшая конспирация, безоговорочное подчинение главарям, но деятельность их не ограничивается Чикаго или отдельной страной, а охватывает весь капиталистический мир.

Обратимся к истории сионизма. В конце прошлого века значительная часть капиталов и промышленности в развитых странах земного шара оказалась в руках еврейской буржуазии. Тогда-то для усиления своих позиций, в страхе за свое классовое положение евреи-капиталисты решили подчинить своему влиянию всех евреев, независимо от их имущественного положения, и, согнав их в сионистскую организацию, создать себе опору в дальнейшей борьбе за деньги и власть.

Основой сионизма во все времена была и остается религия, цементирующая ряды сионистской организации и подкрепляющая ее цели. Сионисты исходят из предпосылки, что бог объявил евреев своим «избранным народом». В сборнике приводятся слова раввина Авраама Кука: «Было бы фатальной ошибкой отказаться от нашего преимущества, от признания — «Ты избрал нас». Мы не только отличаемся и обособлены замечательной исторической жизнью, не имеющей равной себе ни у одного народа, но и превосходим любой народ, выше его...»

Именно это породило в древности изуверские положения талмуда, учившего религиозных евреев ненавидеть иноверцев, «гоев», обманывать их всячески, а при случае и уничтожать. Именно это вдохновляет нынешних сионистствующих молодчиков на те «подвиги», о которых говорят документы сборника: истреблять целые селения, не щадя ни женщин, ни детей, насиловать маленьких девочек, заставлять беззащитных арабов по десятку часов ползать на коленях.

Весьма любопытно наблюдение Амитая Бен-Йены о выработавшемся у сионистов «двоякомышлении». Так, «двоякое значение имеет каждая концепция человека: либеральное и гуманистическое — в вопросах о праве евреев, живущих в других странах, нелиберальное и тоталитарное — в вопросах о правах неевреев вообще и арабов в особенности».

В сборнике рассказывается о брошюрке, распространенной сионистами в Лондоне. К ней приложена карта «Израиль такой, каким он скоро будет», с границами, охватывающими Ливан, Сирию, весь Аравийский полуостров, а также иракские территории к западу от Евфрата. В израильских школах заучивают напутствие, будто бы изреченное иудеям библейским богом: «И истребишь все народы, которые господь бог твой дает тебе, да не пощадит их глаз твой».

Подобные идеи иудеев-клерикалов, пропагандировавшиеся с еще весьма отдаленных времен, сыграли весьма заметную и вредную роль в возникновении так называемого «еврейского вопроса». Воспитывая презрение к «гоям» с детства, обманывая евреев обещаниями о «мировом господстве», они часто навлекали гонения на них. В дальнейшем мировой капитал использовал антисемитизм как одно из средств, с помощью которых он пытался разрешить классовые противоречия в своем обществе. Здесь, однако, необходимо отметить одну особенность исторического развития.

К концу прошлого века большинство еврейского населения в развитых странах заняло прочные позиции в мелкобуржуазных слоях. По свидетельству немецкого историка В. Зомбарта, «повсюду в Западной Европе, где существует возможность сопоставлений, евреи оказываются втрое-вчетверо богаче христиан». На юге и западе России в руках еврейского купечества была сосредоточена вся торговля хлебом, сахаром, скотом и все питейные заведения. Пролетариат же здесь насчитывал в составе еврейского населения всего 0,9 процента.

В этих условиях классовую ненависть к эксплуататорам сионисты усиленно выставляли как ненависть к евреям вообще, постоянно запугивали своих единоверцев жупелом антисемитизма. Сионизм крепил свои ряды, ставя истину с ног на голову, не пренебрегая никаким обманом и подлостью. Эрлих пишет: «Характеристика Лениным Бунда (еврейской националистической «рабочей» организации.— Д. Ж.) — «максимум беззастенчивости и минимум логики» — тем более верна сегодня в отношении сионизма».

Американский еврейский публицист А. Лилиенталь писал, что сионистами «антисемитизм был возведен в ранг веры...».

«Путем ловкого препарирования новостей, что всегда позволяют доброжелательные к сионистам средства информации, каждый инцидент в мире, в котором еврей или евреи оказались жертвами, преподносится общественности как проявление антисемитизма». На этом основании готовы объявить невинной жертвой антисемитизма любого привлеченного к суду убийцу или жулика, если он еврей.

Особенно неистовствуют сионисты против Советского Союза. Социализм исключает эксплуатацию, ниспровергает индивидуализм, а следовательно, сами основы существования буржуазии и буржуазности с их шовинизмом и агрессивностью. Социализм разрушил стены между народами, воздвигнутые религиозным мракобесием. Социалистические отношения вырвали почву из-под сионизма в нашей стране. Это-то и приводит сионистов в ярость.

Наглость и захватнические устремления сионистов опираются на тот факт, что значительная часть промышленности, финансов, средств информации капиталистических стран подчинена сионистской буржуазии. Израильские сионисты только из США получают более миллиарда долларов в год, военную технику в неограниченном количестве. Это ярко показано в статьях Л. Рона «Явления фашизма и их корни», Ральфа Палм Датта «Сионизм. Преступные цели и средства», Андре Жиссельбрехта «Идеология и практика сионизма».

Крупный сионист-капиталист Оппенгеймер распоряжается буквально всем в Южной Африке. Южноафриканское расистское государство является как бы моделью, на которой сионисты проверяют свои бредовые идеи. Оппенгеймер — непременный участник совещаний миллиардеров-сионистов, которые иногда самозвано называют себя «мировым правительством».

Крайне интересна статья «Значение Латинской Америки для сионистской буржуазии США». Только в послевоенные годы из латиноамериканских стран было выкачано 70 миллиардов долларов. Три четверти этой суммы получили монополии, руководимые сионистской «элитой»: Лимэнами, Лазарами, Блаустейнами, Стильменами, Варбургами, Кунами, Гуггенхаймами, Лебами, Канами, Розенвальдами, Шиффами.

Читатель найдет в сборнике и много других материалов, разоблачающих сионизм.

Дмитрий ЖУКОВ

---

* «Против сионизма и израильской агрессии». М., «Наука», 1974, 264 стр.

Н. Рерих. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.

ПЕСНЬ О ШАМБОЛЕ.

Н. Рерих. ПОСЛАНИЕ ВЕСТИ.

Из цикла «СЕРГИЙ СТРОИТЕЛЬ».

ДЕЛО О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКАХ

Руфь ЗЕРНОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. УШАКОВА.

IV

Алла думала о Лодьке: он отбился от рук и вытворяет, что хочет. Притом номера его все какие-то злые, и родителей это уже пугает: на днях изо всех сил бросил кеглю в окно, и стекло треснуло. Хорошо, теперь кегли легкие, а то бы разбил. На расспросы отвечал, что кегля ему надоела и он хотел ее выбросить. Бабушка говорит: стоит запретить что-нибудь, как он сразу начинает. И поджимает губы, и Алла знает, хотя она уже не говорит: гены!

А иногда сидит подолгу неподвижно, не играет, молчит и не отвечает, когда к нему обращаются.

В детском саду им довольны. Там он ведет себя, по словам воспитательницы, нормально. Она сказала: бывает так — дети в саду ведут себя нормально, а дома начинают выкидывать фокусы. Ничего, это потом пройдет, вы не беспокойтесь, мамаша.

Легко сказать — не беспокойтесь! От всех своих беспокойств она зачастила в кино, а мальчишку забросила. Может, он по ней скучает, а может, и по Алику. Объяснить не умеет, до ума не доходит, а скучает. В конце концов в кино можно было бы ходить и днем, когда он в садике. В библиотечные дни, например,— сейчас на работе стало проще, вот весной опять пойдут строгости.

В общем, пришлось разрешить Алику и его маме взять его на субботний день. Старуха сама звонила.

— Что же, он — лишенный отцовства, что ли? Вы не хотите — можете не видеться, я сама утром за ним приду. Я ведь тоже бабка как-никак.

Мама сказала:

— Ну, зачем же? Мы сами отведем.

Скоро все встанут и отведут Лодьку. К отцу и к той бабушке. Они собирались сводить его в зоосад.

Она бы и сама могла отвести, но суббота, субботея. Можно спать, можно лежать так, ни о чем не думать... Или думать такое, необязательное...

Легкий человек Кирилл, ничего объяснять не надо — скажешь ему, он ведет себя соответственно. Объяснения давно уже надоели, с Аликом это было вечно...

Говорят, это женское — выяснять отношения. Не женское это — детское. Только дети надеются узнать все до самого конца и верят, что тогда будет ясно, не останется ничего неясного. А чуть ступишь в юность — и знаешь: никогда не бывает до конца ясно, если хоть что-то есть. Раз ясно — значит, пусто и можно переходить к очередным делам.

И если так — то с Аликом наконец все ясно.

Он пришел к Кириллу, когда она там была. Можно было не открывать ему: они оба узнали его звонок, волнистый такой, словно рука дрожит,— но почему, вообще говоря, не открывать? Они просто сидели, слушали пластинки, ждали Колю Докторова. Алла кивнула в ответ на вопросительный взгляд Кирилла. Вот это она в нем и ценила, что не надо разговаривать, со взгляда поймет.

В общем, Алик вошел, не зная, что она здесь, видно, Кирилл не предупредил. И что-то с ним сделалось: у него изменилось лицо, потом он стал улыбаться как-то неуместно, словно не придумав, какое выражение лица приспособить к этому случаю, она никогда раньше не видела, чтобы он ее ревновал. Именно не видела, потому что, оказывается, это можно видеть, и это тягостно. Он, вероятно, пришел с какой-то идеей — куда-нибудь идти с Кириллом вместе, или просто посидеть вдвоем,— хотя, пожалуй, вдвоем им делать нечего, но тут потерялся, не знал, что говорить. Они ему велели сесть и слушать, и он сел, но пластинка почти сразу кончилась, и он — он! — не попросил повторить снова.

Но потом пришел Коля Докторов, и все успокоилось, и только дома Алла вспомнила вопросительный взгляд Кирилла, когда Алик позвонил, и за этот взгляд она была ему благодарна.

Коля Докторов принес малахитовые серьги. Эти художники все словно с ума посходили: ездят в Петергоф, копают, вырубают из-под земли камень. В общем, открыли месторождение... Кирилл сказал: надень-ка, тебе вроде пойдет. И правда, оказалось хорошо, глаза вдруг стали зеленые. Коля сказал: Хозяйка медной горы. Она протянула руку, нащупала серьги на тумбочке: проволочки простые, а малахит красивый, гладкий. У Коли этого с Кириллом вроде художественной артели: добыча, обработка, сбыт. Она спросила: сколько я должна? Кирилл сказал: десятку, как для вас! Она тут же расплатилась, на Алика не посмотрела...

Алик когда-то сказал ей: ты, как природа. Она не поняла, и он долго и красиво объяснял, что имел в виду, но в простых словах, если бы он сумел изложить дело в простых словах, это означало, что ей нужен пахарь и сеятель, без них она — ничто. Ей стало смешно. Это он хотел, чтобы она была такая. Удивительно, как люди видят нас. Ни такими, какими мы себя видим, ни такими, какие мы есть на самом деле, люди нас не видят. Они видят только свое представление о нас, если влюблены.

Кирилл смотрит на нее исподтишка, подолгу. Интересно, что он видит? Его об этом можно не спрашивать, он и вопроса не поймет. Он практик. «Десятку, как для вас». И правильно. Что он — подарки ей делать должен? Зачем? Она сама, сама...

Они идут с отцом, отец рассуждает по поводу Лодьки, а она плывет рядом по реке, хорошо, отец не требует реплик. Он именно так представляет себе беседу — один говорит, другой поддакивает. Она плывет и плывет и иногда поворачивает голову — там берег и на берегу отец... Хотя и его берег какой-то нестойкий, дрейфующий, и вот тоже отдаляется, отдаляется, как льдина... И еще льдины, и они звенят все громче, нет, не они, а звонок. Телефонный звонок.

— Здравствуйте, Алла Никодимовна. Говорит Всехсвятский.

— Слушаю вас,— сказала Алла деловито.

— Я закажу вам пропуск,— сказал Всехсвятский.— На сегодня, на двенадцать часов. Вас устраивает?

— Устраивает,— сказала Алла. И подумала, что, значит, у них суббота не выходной. Хотя суббота для человека, а не человек для субботы. Они там, наверное, придерживаются этого правила, не зная его. Но значит, они нашли того, кто звонил?

Десять часов. Будильник сегодня не был поставлен, но она проснулась в семь, как всегда; вставать не нужно было, и она лежала в постели, и думала, и вот заснула, поплыла, черт знает сколько она спала, даже не помнит, где был сон, а где мысли, она просто устала, очень устала, с утра она встает усталая, а теперь только осень — далеко до лета. Пожалуй, этим летом она не поедет в поле, останется в городе или даже в отпуск уедет одна на Черное море, дикарем...

Да, а Лодьку-то мама уже увела, как же она даже не слышала, когда он проснулся? Раньше она всегда слышала, как он дышит: изменится дыхание — она просыпается. Вот, значит, как она устала... И отец, видно, с ним пошел. Тихо так собрались все, чтобы ее не будить.

Субботнее утро. Тихо, пусто, и серый туман за окном.

— Да, это мой телефон,— согласилась пожилая женщина кавказского типа.— Мой телефон. Но я не понимаю... Я даже понять не могу... Я никогда хулиганством не занимаюсь.

— Из кого состоит ваша семья? — спросил Всехсвятский.

— Никого у меня нет. Я одна, одна...

— Детей нет?

— Нет. То есть есть... Сын... Но он живет отдельно, он давно уже живет отдельно...

— А разве он вас не посещает?

— Я одна, одна, совсем одна...

В глазах ее была тревога — даже не тревога, а страх. Чего она боится, эта женщина? Лицо ее казалось Алле смутно знакомым. Где она могла ее видеть, интересно?

Всехсвятский сидел спокойный и на обеих поглядывал озадаченно, но как-то доброжелательно. Алла все ждала, когда же он начнет уличать эту женщину, которая явно боится, что-то прячет такое, о чем не должна знать милиция. Кто-то, наверное, живет у нее не прописанный, наверное, сын этот самый. Или какой-нибудь сожитель — завела на старости лет. Сожитель пьет, вымогает деньги, издевается, соседи снизу жалуются... А тут милиция. Сожитель этот, наверное, и звонит.

— А ключ от вашей квартиры? — мягко спросил Всехсвятский.

— Ключ? Какой ключ?

Теперь в глазах у нее был самый настоящий ужас. Они стали какие-то четырехугольные. И рот она сжимала изо всех сил, чтобы не заплакать или не закричать.

— Ключ от вашей квартиры у кого еще есть? — спросил Всехсвятский еще мягче.

— Ни у кого! — воскликнула она пылко и приложила руку к груди.— Товарищ следователь, я даже не понимаю, зачем вы меня об этом спрашиваете. Я живу одна, можете соседей спросить; если кто-нибудь заходит, то это просто так, по работе или навестить, если я бюллетеню. Но чтобы жить у меня...

— А родственники у вас есть на Кавказе? — поинтересовался Всехсвятский.

— Нет у меня... То есть есть... Но это приличные люди. Гриша, племянник мой, доцент... И Элефтер. Но их уже месяц как не было, кого хотите спросите.

— Хорошо, спросим! — обещал Всехсвятский.— А теперь скажите: вы эту девушку знаете?

Он указал на Аллу.

— В первый раз вижу! — вскричала женщина на радостно. Перемена темы была ей, видимо, приятна. Потом она стала всматриваться в Аллу и нерешительно добавила: — Хотя, может

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40, 41.

быть, где-нибудь случайно... Ленинград — такой большой город, все встречаются.— Она посмотрела на Аллу вопросительно.

И Алла ее вспомнила. На рынке, на Кузнечном рынке, она видела это лицо, обмотанное черным платком.

— Когда, значит, приезжали ваши родственники последний раз?

— Товарищ следователь! Перед октябрьскими уехали. Ну вот кого хотите спросите...

— Хорошо! — сказал Всехсвятский.— Я вам подписываю пропуск. Все, что вы тут говорили, мы проверим...

— Товарищ следователь. Мои племянники — приличные люди! Никто не может пожаловаться. Никогда никаких скандалов, никакого шума. Они очень порядочные люди. Это ошибка какая-то. Конечно, они могут женщине что-нибудь сказать на лестнице — какая она красивая или что, но у наших мужчин такой обычай, ничего плохого в этом нет, нельзя за это на них обижаться. Но чтобы они скандалили или обидели кого-нибудь...

Видимо, у нее свалился с души камень. Всехсвятский подал ей пропуск, она рассыпалась в благодарностях.

— Минуточку! А в течение этого месяца — ну, скажем по поручению этих родственников, к вам никто не заходил?

— Никто!— сказала она. Опять глаза ее насторожились.— Ну, соседка зайдет, луку одолжить... Ну, с работы приятельница... А так больше никто, можете всех соседей спросить. Мужчины у меня вообще не бывают. Только у племянников, когда они здесь, так, знакомые молодые люди. А у меня лично — никогда.

Когда она ушла, почти успокоенная, Всехсвятский сказал:

— Похоже, тут таится обыкновенная торговля цитрусовыми.

— Хурмой!— сказала Алла.— Я ее видела на рынке, она хурму продавала.

— Хурмой,— повторил Всехсвятский, думая о чем-то другом.— Да, значит, хурмой.— Он набрал какой-то номер.— Проверка. Номер вашей квартиры? Ясно. Повесьте трубочку.

Он посмотрел на Аллу, снял очки, протер.

— Пора, пора на пенсию,— сказал он смущенно.— Не проверил, сразу вызвал... Как же это я мог не проверить!

Алла смотрела на него и думала, что он ведет себя неуместно, несоответственно. Хорош врач, который, поставив диагноз, высказывает пациенту сомнения. Я хочу уверенности, а он сует свои ошибки. В конце концов это бестактно — втаскивать клиента в свою кухню.

— Так в чем дело? — спросила она не слишком приветливо.

Он успел надеть очки, и сконфуженный взгляд исчез, будто затворился за стеклами.

— Телефон-то, оказывается, спаренный. Значит, это сосед ее забавляется. Ну, я сейчас вас отпущу часа на два. Не возражаете?

— Возражаю,— сказала Алла.— У меня сегодня выходной, я должна побыть с сыном. Я и так уже потеряла сколько времени!

Она не сказала «по вашей вине». Но Всехсвятский это, без сомнения, расслышал и опустил повинную голову.

— Ну, тогда в понедельник! — сказал он.— Вы сможете уйти с работы ненадолго? Ну, скажем, на час?

«Наш отечественный Мегрэ,— думала Алла.— Уже, небось, поставил птичку, что раскрыл».

— Смогу,— сказала она.

Вместо того чтобы идти домой, Алла заехала на Колокольную, к Кириллу. С самого утра ей хотелось в кино, еще в полусне. Кирилл сидел, колдовал над какими-то крошечными часиками. Он сразу же ушел в ванную переодеваться. В кино так в кино. В комнате было жарко: Алла сняла куртку, повесила на спинку стула... Аккуратист Кирилл: все у него на своем месте, куртка ее несчастная на спинке стула разрушает симметрию. И домашние брюки его и рубашка — такое все чистое, отглаженное. Куда до него девушкам! Что называется, следит за собой. Ну, конечно, ему заботиться не о ком, вот он и заботится о себе, о своей однокомнатной квартире. Холостяк!

Похоже, что у него и правда никого нет. Интересно, почему? Может, в самом деле из-за нее? Неужели влюбился? Непохоже. Скорее охотится. Это хищники так терпеливо охотятся: просто ждут, ждут с незаинтересованным видом. Война нервов: кому раньше надоест ждать.

Он тоже этой кошачьей породы. Даже не предложил ей снять куртку, чтобы она «не подумала». В кино так в кино.

И все-таки нет, непохоже. Просто она себе вообразила. По привычке все объяснять именно так. Это Алик ее научил. Он вообще многому ее научил. Или это просто ее особенность — она любит учиться, у всех учится: у соседок — печь пироги, у сослуживцев — оформлять работы, у мужчин — вести себя с ними. Меньше всего она училась у своих официальных учителей — в школе и в институте. Почему так?

Вероятно, человек научается только тому, чему хочет научиться. Кажется, это тоже одна из Аликовых любимых мыслей.

Вообще мыслей у него много. Еще бы, он ничем больше не занят. Иногда он будил ее, чтобы рассказать что-то пришедшее в голову. Как она сердилась! А, бывало, она сама смотрела на него спящего: казалось, и во сне он не находит покоя, лицо дергается, брови движутся, то улыбнется, как Лодька, то вдруг искривит рот мучительно... Но он не сердился, если она его будила, он опять начинал ей рассказывать — тут же, на ухо, какие-то свои сны, он говорил: бреды... Он не хотел замыкаться от нее даже в сон, он все время распахивался, распахивался и весь выговаривался. Утром он спал, а она уходила на работу, невыспавшаяся, злая...

Он однажды сказал ей: ты в быту буржуазна. Почему буржуазна? Разве это не естественно: хотеть, чтобы муж ходил на работу, чтобы вносил в семью деньги, чтобы по ночам спать, а не говорить, говорить без конца...

Может, и правда обществу нужны и такие люди, которые по видимости ничего не делают, как он однажды заявил? Что не слишком хорошо мы знаем законы и что каждый закон предполагает еще и беззаконие, что благодаря этому все движется...

Ох, как он умел оправдывать свое безделье! Как хорошо, что это кончилось наконец! Если бы еще отстал от нее, пусть бы завел себе кого-нибудь, потому что иначе она все равно не чувствует себя свободной.

Кирилл появился, а она даже забыла, что сидит в его комнате. Она оглядела его с удовольствием: свежайшая рубашка в полоску, широкий галстук в каких-то заграничных огурцах, серый костюм. И дубленка, мечта пижона, вот умеет он доставать вещи; ну, у них там, в Доме быта, со всеми связи, конечно... Интересно, какой он на работе?

На улице она его спросила:

— Ты с детства такой аккуратный был или потом приучился?

Ее тревожило, что Лодька всегда расхристанный — как отец. Рубашка торчит из штанов, башмаки сбиты... Чистенький, розовый, вымытый, а с одежками вечный беспорядок, и руководительница в детском саду замечает тоже.

— Всегда такой был,— коротко сказал Кирилл и посмотрел на нее пристально. Он, наверное, даже удивился ее вопросу. Она сказала:

— И работаешь ты, наверное, не... Ну, когда надо — умеешь работать, не разучился? Не шаляй-валяй?

— С часами шаляй-валяй не получится,— сказал Кирилл.— А ты что, чего добиваешься? Чтобы я тебе свой механизм раскрыл? Так тебе же неинтересно дальше будет.

Он улыбнулся. Но она была озабочена, хмурилась.

— Следователь этот — туфта, а не следователь. Знаешь, что он мне сегодня устроил?

Она рассказала. Кирилл слушал ее сочувственно, кивал, возмущался.

— Племянники! Видели уже таких племянников! Миллионеры, машинами торгуют у себя там. А она, видно, в комнату их пускает, они ей десятку отвалят — она счастлива... Ну он, конечно, тоже гусь!

— Гусь! — подтвердила Алла убежденно.— Ведь это настоящий брак в работе, верно? Сколько времени он отнял у этой несчастной бабки, у меня, у себя, наконец! Не считая того, сколько она натерпелась.

Она говорила, говорила, довольная, что есть кому излиться, что Кирилл ее не перебивает. В вагоне метро, продолжая говорить, она глянула искоса и увидела, что Кирилл ее не слушает больше: уставился перед собой какими-то остановившимися глазами и не слушает. Еще несколько раз она поглядывала на него — он так ушел в свои мысли, что ничего не замечал. Только выходя из метро, он, словно вдруг вернувшись, спросил: «Хочешь мороженого?» «Нет, спасибо». И они опять замолчали.

Пока он брал в кассе билеты, она стояла, ни о чем не думая, словно прислушивалась к какой-то неясной тревоге. Ей уже не хотелось в кино, хотя она, когда шла к Кириллу, радовалась, что наконец посмотрит «Мертвый сезон», который когда-то пропустила, да так и пропускала все время, даже по телевизору. Что, собственно, ее тревожило? Ничего, просто какое-то смутное недовольство собой. Зачем она тут, с этим чужим парнем, которому до нее нет никакого дела? Лодьку увели, а она и довольна, пошла развлекаться...

Когда Кирилл подошел с билетами, она уже хотела отказаться. Но подумала, что он не так поймет, не так истолкует, и в конце концов в чем дело? Ничего ведь не случилось. Подумаешь — молчали! Что-то она себе вообразила от самомнения, а теперь пришла в себя и разочаровалась. Подумаешь, делов!

И она пошла в кино, и сидела рядом с Кириллом, и смотрела на Баниониса, и Кирилл даже руку ее не взял, а тревога не проходила. И после конца первой серии, смущаясь и удивляясь себе, она торопливо сказала: «Я больше не могу сидеть, я думала — одна серия... Мне за Лодькой зайти надо... Нет, ты оставайся, я одна...»

И она заторопилась к выходу, хорошо, места с краю, не надо протискиваться между чужих колен, а вот уже и свет погас, скорее, скорее, а Кирилл так и остался на месте, вот и хорошо. И автобус подходит, ах, хорошо! И сейчас кончится все это наваждение. Алик с Лодькой собирались сегодня в зоосад, но это ничего, теперь они уже дома. Они уже все дома, сидят, пьют чай с той бабушкой, матерью Алика, она выставила на стол какие-нибудь дефицитные птифуры, а себе «Черные глаза» или что там она любит... И Лодьку, наверное, угощают этими «Черными глазами», и он доволен, ах, негодяи, ах, мерзкие люди, и она не думала раньше, только сейчас ей в голову пришло...

Ничего этого не было — ни бабушки, ни птифуров, ни Алика. Был Лодька вдвоем с какой-то страшноватой девицей с испитым лицом; они сидели в комнате по обеим сторонам журнального столика и играли в шахматы. Когда Алла вошла, Лодька взвизгнул: «Мама!» — и повис на ней, облепил, сцепил ноги у нее за спиной. Девица встала, она была худая, длинная, нелепо длинная, и длиннейшие руки болтались, и по ее виду можно было понять, что ей бы хотелось спрятаться, исчезнуть, как-то истребиться... Алла не смотрела на нее, но чувствовала это ее желание с каким-то даже злорадством. Где это Алик откопал такое чудо, интересно? И ребенка не побоялся с ней оставить, вот молодец... Она поставила Лодьку на пол. Девушка стала тыкаться в углы комнаты, словно что-то отыскивая, говоря при этом:

— Ну вот, Лоденька, мама пришла, я уж пойду...

— Нет, зачем же?— сказала Алла.— Это мы сейчас уйдем, а вы оставайтесь, дождитесь хозяина.

— Ему кто-то позвонил,— объясняла девица,— и он...

— Тетя Надя,— озабоченно спросил Лодька,— так как будет считаться, кто выиграл?

— Ты выиграл, ты, конечно.

Алла одевала мальчика, наклонялась к нему, упорно поворачиваясь спиной к змееподобной девушке. Да, да, была какая-то «Надька-Кобра» — это она, конечно. Ничего не скажешь, прозвище подходит. А он-то за выпивкой, наверное, кинулся — не мог дождаться, когда мальчика не будет. От злости у нее дрожали руки, она никак не могла застегнуть пуговицы на Лодькиной куртке, наконец справилась и потащила мальчика за собой. Лодька в коридоре упрекнул ее:

— Что же ты не попрощалась с тетей Надей?

— Ничего,— сказала Алла,— она не обидится. Давно папа ушел?

— Давно! — сказал Лодька.— Мама, а я у тети Нади все партии выигрываю. И у бабушки тоже.

— А бабушка куда ушла? Ведь мы тебя к бабушке отпустили!

Ничего умнее не придумала, как ему это говорить!

— Бабушка в магазине, она сказала: скоро конец месяца! А папа сказал: ты посиди с тетей Надей, я скоро приду.

— Что же ты мне раньше не рассказывал про тетю Надю ничего?

Лодька не ответил, видно, не счел вопрос достойным ответа. Оба шли, думая каждый о своем, и Лодька что-то бормотал себе под нос. Алла прислушалась. Он считал:

— Сто два, сто три...

— Ты что считаешь? — спросила она.

— Ничего. Шаги.

— Какие шаги?

— Шаги. От нас до папиного дома.

— Так мы же на автобусе...

— Автобус я не считаю.

V

Когда они сошли с автобуса, Лодька опять начал считать шаги: сто шестьдесят восемь... сто шестьдесят девять — и не увидел отца, потому что смотрел себе под ноги. Но она его увидела в свете фонарей, и увидела, что он готов уже, приложился где-то; у него заплыл левый глаз и скула была разбита, шапки на нем не было никакой... Он смотрел в сторону и вид сделал такой, будто сосредоточен и спешит, спешит безумно куда-то... Она поняла, что он узнал их и стыдится, значит, не так уж пьян, и поняла, что не надо его останавливать, ради Лодьки. И так они прошли друг мимо друга, чуть не столкнувшись, она даже почувствовала, как потянуло спиртным, вечным запахом, ненавистным... Шел он прямо и быстро, но это ничего не значило, он сам про себя говорил: мозжечок у меня какой-то деревянный, хоть в центрифуге крути.

Лодька считал уже вторую сотню, когда она обернулась. Ее муж, отец ее сына, стоял у гастронома в известной всему микрорайону компании пропойц как свой, как завсегдатай, как равноправный член этого клуба... Лодьку забыл, оставил его, а сам сюда... И понадобилось же именно сюда, в наш район, чтобы потом мне говорили, отцу говорили... А у него сидит эта... Кобра.

— Триста семь! — сказал Лодька, когда они дошли до парадной.— Лифт я тоже не считаю.

Они поднялись на лифте сквозь темную парадную. Наверное, опять перегорели лампочки — и никому не нужно, раз лифт.

Она открыла дверь ключом. В передней стояла мать.

— Бабушка! — Лодька кинулся к ней. Он возвращался домой после долгой разлуки — целый день, целый выходной. Выходные дни для Лодьки были не короче прочих.

— Соскучился по бабушке! Ах ты, моя капелька!

— А где папа? — спросила Алла с удивлением.

— Сказал — сейчас вернется. С полчаса, как ушел. А почему ты сама мальчика привела, а не та бабушка?..

— Той бабушки и в помине нет. Прихожу туда — ни бабки, ни отца. Лодька один...

— Баба Оля пошла в магазин, потому что скоро конец месяца,— напомнил Лодька.— А я с тетей Надей в шахматы играл. Я бы опять у нее выиграл, да ты забрала.

Лодька нахмурился, высвободился от бабушки и пошел в комнаты.

— А где мои солдатики? — крикнул он оттуда.— Дед, где мои солдатики?

— Дедушки нету. Скоро он придет, ужинать будем.

— На место надо класть,— строго сказала Алла.

Она отыскала Лодьке его солдатиков, их у него было семь штук, разнокалиберных.

Лодька занялся ими, что-то бормоча недовольно. Он не любил, когда не все бывали дома к его приходу. К тому же солдатики — это было их с дедом занятие. Он отложил их и начал слоняться, однако помалкивал, потому что знал — мать не любит, когда он заводит унылое: мне скучно!

Но Алла его понимала, она и сама не любила, когда дома идет не по-размеренному. Она и вообще-то не любила сюрпризов, хватало их ей с Аликом, вот с кем ничего наперед сказать нельзя было... Но сегодня уж день какой-то такой, все не так, как рассчитываешь. Вызов в управление неожиданный, и отец вдруг ушел — никогда не уходит по субботам! И потом эта история в кино — куда, спрашивается, заторопилась?

— Мама,— затянул Лодька.

— Ну? — спросила она грозно.

— Я не про то... Я хочу спросить: когда дедушка придет?

— Пойди бабушку спроси.

Он пошел на кухню, через минуту вернулся и остановился, видя, что мать читает. Она подняла глаза:

— Ну?

— Бабушка сказала, что дедушка скоро придет...

— Ну, вот видишь. Ты пока расставь солдат своих.

— Да-а-а, без дедушки...

В дверь позвонили. Он кинулся к дверям, и Алла за ним, думая, почему это отец звонит, у него же ключ.

Потом, когда она вспомнила, как бежала в переднюю, ей казалось, она уже знала. Иначе зачем бы она так бежала? И Лодьку оттолкнула на бегу...

Это был сосед с третьего этажа, Алла знала его в лицо: молодой отец, он носил в ясли ребенка, Алла встречала их утром, когда бежала к автобусу. У него было растерянное лицо. Он сказал: «Там, на нашей площадке, ваш папа...»

Она кинулась вниз по лестнице, он за ней вслед, и все говорил: «А мы гостей провожали... увидели, подумали... может, выпивши... Но за ним ведь не водится...»

Отец сидел прямо на цементном полу, в самом углу, вытянув перед собой ноги, опустив голову, с которой почти сползла на лицо меховая ушанка. Руки ушли в рукава пальто, как от холода. Словно и человека не было, только одежда, еще сохранявшая форму. Алла стала на колени: преодолевая страх, дотронулась до шапки, сдвинула ее с лица — на нее глянули выпученные, остановившиеся глаза. Она не закричала, не опустила руку, так и осталась на коленях перед этим взглядом, ничего не чувствуя, не думая.

— «Неотложку» надо звать,— сказал женский голос.

Ее подняли. Она все еще не могла отвести взгляда от неподвижных глаз, но что-то в ней ожило, и мысли теснились, которые она не пускала в сознание, и она услышала про «неотложку», возразила: «Не «неотложку», а «скорую».

Вокруг были какие-то люди: соседи, их гости и еще другие люди с этой же площадки. Электричество уже горело на лестнице. Она вспоминала, что когда они с Лодькой поднимались в лифте, лестница была не освещена, и он, наверное, уже сидел тут... Маме не надо пока говорить...

Но кто-то уже сбегал за ней, и она спускалась по лестнице в своих домашних туфлях без задников; она не могла бежать, и каблучки туфель мерно щелкали по ступенькам; она бормотала:

— Сердце, сердце... Он сердечник...

Мать не боялась дотронуться — она сразу

кинулась, расстегнула пальто и воротник, сунула руку под спину, когда он стал оседать, и все бормотала:

— Холодный какой, холодный... Укол ему сейчас надо... «Скорую» вызвать...

— Уже вызвали,— отозвались ей.

— Алла,— сказала она,— что же ты, Алла! Воды неси! Он застыл уж совсем, пока тут сидел. В комнату его надо. Или лучше не беспокоить?

Народу на площадке стало меньше — наверное, гости ушли, не стали дожидаться приезда «скорой». Сосед сказал Алле:

— Может, правда его в комнату к нам перенести?

Алла покачала головой. Ей казалось, что его нельзя трогать, что ему можно этим повредить. Сосед посмотрел на нее с сомнением, но ничего не сказал. Она опять опустилась на колени около матери; та тихонько окликала:

— Никоша, Никошенька...

Лязгнул лифт — появился высокий человек в белом халате и шапочке, две женщины вытащили из лифта носилки. Он сказал:

— Ну-ка, где тут больной?

Подошел, как-то отодвинул и мать и Аллу, нагнулся, приподнял голову отца, ощупал ее и словно удивился чему-то.

— Милицию надо вызвать,— сказал он.— Отойдите все в сторону, нечего тут смотреть.

Все отступили. Пронесся легкий шум. Мать растерянно спросила:

— Зачем милицию? Его же нельзя так оставлять, он...

Врач поискал глазами и нашел Аллу.

— Вы дочь? — спросил он.

— Да.

— Пройдемте со мной. Где тут телефон?

— У нас, пожалуйста,— сказал молодой сосед, который с самого начала чувствовал себя здесь главным.— Вот здесь, пройдемте, в коридоре у нас.

Он прошел вперед, зажег свет, указал телефон. Врач посмотрел на него — он опять вышел на площадку.

— Смотрите, чтобы они там ничего не трогали!— крикнул врач ему вслед. Потом снял трубку и сказал, не глядя на Аллу.— Э-э-ммм... Так дело в том, что... Вы поняли, нет?

— Все очень плохо? — спросила она.

— Э-э-эммм... Вы мать должны приготовить или увести.

— Он умер?

— Его убили,— сказал врач, просто и четко.— Ударили чем-то по голове. Надо вызвать милицию, мы тут уже ничего не можем сделать. Вы поняли? Вы должны приготовить мать. Вы поняли?

— Я поняла,— сказала Алла наконец.

Но она не уходила, стояла рядом, врач говорил:

— Милиция? Говорит врач «неотложной» помощи Валентенок. Ва-лен-те-нок. На Мартыновской, дом три, в подъезде убит человек... Да... да...

Приготовлять никого не понадобилось — на площадке все уже знали. Откуда-то появилась табуретка, на которую усадили мать; вокруг нее суетились женщины; они расступились, и Алла увидела, что одна из сестер, прибывших с врачом, делала матери укол в руку... Мать молчала, глаза у нее были закрыты. Кругом говорили: «Тихий такой... столько лет его знаем... Хулиганы, наверное... распустили на свою голову... никогда, чтобы пьяный... хороший такой человек...» Мать открыла глаза, и Алла сразу придвинулась, обняла ее и почувствовала, что та плачет, а у нее самой слез не было, только обрывки мыслей неслись, как сухие листья: не сумела... не спасла... Всехсвятский... армянка... Лодька, с кем он, кто же с ним остался...

Это все были названные мысли, а неназванная была одна: Алик, который прошел мимо нее отчаянно-торопливо и сделал вид, что ее не заметил.

И в ответ на эту неназванную мысль Алла думала: чепуха, совпадение, ведь звонил-то не он, его голос я бы все равно узнала, нельзя изменить голос.

— Мамочка,— сказала она,— я только на минуту... Возьмите ее, поддержите. Мне надо позвонить...

Но мать не слушала и только прижималась к ней, вдавливала лицо в ее плечо. Алла поняла, что ей не уйти. Она сказала врачу:

— По этому телефону... Попросите Всехсвятского... Скажите ему, что убит Никодим Ефимович Соколовский.

— Значит, вы подтверждаете, что четыре раза звонили по телефону Никодима Ефимовича Соколовского и угрожали убить его в разговорах с его дочерью?

— Разве четыре? Пару раз звонил, верно. Просто шутка это была. Глупая, конечно, шутка. Если бы я знал...

— Я спрашиваю вас, подтверждаете ли вы, что четыре раза звонили...

— Ну, может, и четыре. Я не считал. Вам лучше знать. Но только я никогда всерьез не собирался... Так, попугать хотел, товарищ следователь. Очень зол на него был. Но если бы я знал, что так будет...

Алла смотрела на этого человека. Это был стареющий человек, который не хотел стареть: длинный клок рыжеватых от хны волос был у него затейливо начесан на лысину, так, чтобы она не была видна. Лицо гладкое, выбритое, тщательно напудренное. И от него на всю комнату пахло одеколоном. Хочет казаться молодым! Убил человека — и хочет казаться молодым. И голос у него сейчас вкрадчивый. Непохож на тот, что по телефону...

— Расскажите, Яковлев, в каких отношениях вы были с убитым.

— Да никаких отношений не было, товарищ следователь. Мы с ним и знакомы почти не были. Только он стал под меня копать. Чем-то я ему не понравился, наверное. Или, может, хотел на мое место своего человека поставить — бывает так, знаете. В общем, я у них в организации агентом по снабжению работал. Работа, сами понимаете, какая...

Он подождал знака взаимопонимания. Не дождавшись, продолжал:

— Ну, лес я доставал для ихней организации. Не лес, собственно говоря, доски. Ну, сами знаете, дефицитная вещь. А один товарищ как раз дачу строил в Сосновке... Нет, нет, не мой товарищ, это я просто так говорю — один товарищ. Из этого же учреждения начальник, не самый большой, но все же... В общем, меня покойник на скамью подсудимых за эти доски. Я вам все это сейчас рассказываю, чтобы вы поняли.

Он опять подождал.

— Вот такое, значит, пришили мне дело. На коллективку тянули, стали уже вешать на меня всех собак. Хорошо, адвокат умный попался, заставил разобраться, статью мне переменили, так что срок вышел вроде бы детский — пять лет. Ну, хорошее поведение, то, другое — я вышел раньше.

И что толку?— Он вздохнул.— Сын без меня вырос. Жена со мной развелась, нового мужа пустила в мою отдельную квартиру. Все, что наживал... В общем, ладно, не в этом соль. Это я, чтобы вы поняли, какое зло у меня было... на покойника. Если бы еще я хоть что-нибудь имел с этих досок! Но принципиальность! Закон! А под закон каждого можно подвести. Под статью.

— Между прочим, ваши телефонные развлечения тоже под статью подходят,— вскользь сказал Всехсвятский.

— Не спорю,— с достоинством сказал Яковлев.— Тут я своей вины не отрицаю. Но поверьте, гражданин следователь, если бы я знал, что так получится, то не звонил бы. Заглотал бы свою обиду, но не звонил бы.

— Этот адрес, по которому вы сейчас проживаете,— спросил Всехсвятский,— вы жили там и прежде, кажется?

— Жил, потом не жил, теперь опять там прописался,— охотно объяснил Яковлев.— Первая жена моя там оставалась, когда расторгли брак. Ну, а потом, когда я узнал, что вторая жена неэтично со мной поступила, я написал той, первой. Все-таки, товарищ следователь, старый друг лучше новых двух. Хоть она у меня пожилая, старше меня, но мы с ней оставались хорошими друзьями. Сын у нас, это со счета не скинешь.

Алла смотрела на Яковлева. Голову он склонил набок, губы подобрал, в глаза и в голос пустил некую простодушную доверчивость. Он смотрел на следователя, но иногда оглядывался на Аллу, словно и к ней обращаясь со своим доверием, со своей убедительностью.

«Какой гад! — думала Алла с удивлением.— Какую линию защиты повел! Ах, какой гад!»

— Скажите, Яковлев, как вы провели субботу девятнадцатого ноября? Если можно, поподробнее.

— Пожалуйста! — отозвался Яковлев с радостной готовностью.— Весь день у знакомых был. Соседи могут подтвердить. У Инны Васильевны Стрельченко, Южная, шесть, квартира два.

— С самого утра у знакомой? — осведомился Всехсвятский.

— Собственно говоря,— Яковлев придал своему лицу скромное выражение,— не с утра, а с вечера пятницы. Соседи могут подтвердить. Они меня знают. Знакомая моя — женщина самостоятельная, зубной врач, я бы с ней расписался, если бы был свободен. Но я такой подлости для своей жены сделать не могу, товарищ следователь!

«Уважает себя, гад,— подумала Алла.— За благородство уважает».

— Так и просидели всю субботу дома у знакомой, никуда не выходили?

— Нет, никуда не выходил. Свежего воздуха мне и через форточку хватает. Можете проверить, товарищ следователь.

— Проверим,— обещал Всехсвятский.— А к вам туда никто не заходил?

Яковлев пожал плечами.

— Товарищ один заходил, посидел недолго и ушел.

— Что за товарищ?

— По прежней работе,— сказал Яковлев неохотно.— Встретил его на улице, пригласил заходить; сдуру не домой позвал, а к знакомой... Умный, говорят, хвастает отцом-матерью, глупый — молодой женой. Хотя, конечно, она не жена мне.

— Фамилия, имя, адрес этого товарища?

— Винников, Сергей Петрович: адреса не знаю, никогда у него не был, телефона тоже не знаю. Да уж вы его разыщете, если захотите, вам легче, чем мне, в Ленинграде человека найти.

Он вежливо, негромко посмеялся и посмотрел по сторонам, приглашая оценить остроумие реплики.

— Прочтите протокол и подпишите,— сказал Всехсвятский.

— Всегда пожалуйста!

Яковлев надел очки, внимательно прочел протокол, вытащил многоцветную шариковую ручку, расписался и сказал:

— Все правильно!

Он встал.

— Мне можно пропуск, гражданин следователь? Я свободен?

— Пока да,— сказал Всехсвятский.

— Ну, что ж! — сказал Яковлев.— Все справедливо. Понимаю, что своим необдуманным поведением...

Он подписал. Потом торжественно обратился к Алле:

— Разрешите мне принести вам свои извинения за свой неэтичный поступок.

Алла не ответила, не поглядела. Он постоял и пошел к выходу, оставляя за собой запах одеколона. Надушенный самец! Движения у него были молодцеватые, быстрые. Он торопился, ему было куда торопиться, он спешил, он жил... Почему земля носит такую пакость? И почему пакости такой хорошо и легко живется на земле?

Всехсвятский — тот не торопился вовсе, будто только и дела у него было, что Алла. Он теперь позволял ей сидеть молча, думать, плакать. Правда, плакала она здесь только один раз — после похорон отца.

Похороны были неожиданно многолюдные, хотя происходили в будний день. Мать беспокоилась — зачем заказано три автобуса, неудобно; она опасалась, что автобусы пойдут порожняком: это ей казалось стыдно. Но, кроме сослуживцев, которые явились в полном составе, включая начальника треста, кроме соседей по дому, родственников, Аллиных товарищей по работе, пришли еще какие-то люди: одних Алла знала, других нет. Все они подходили, пожимали руки матери и Алле, что-то говорили, потом группировались отдельно от родственников, соседей и сослуживцев. То были фронтовые друзья и сослуживцы старых, еще довоенных лет.

Продолжение следует.

ЗА МИРНОЕ НЕБО НАД АЗИЕЙ

Участники встречи в колхозе «Халкабад».

Самарканд — древний город, недавно отметивший свое 2 500-летие, принимал делегатов и гостей международной встречи «Борьба за мир и безопасность в Азии — насущная задача современности».

Встреча была организована Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки в соответствии с рекомендациями состоявшегося в Москве Всемирного конгресса миролюбивых сил и программой действий Организации солидарности народов Азии и Африки. На самаркандский форум прибыли видные политические и общественные деятели из 30 стран Азии, представители 11 международных организаций.

25 сентября. Пять часов дня. Председатель организационного комитета, заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки академик Е. М. Жуков открывает встречу. В зале раздается гром аплодисментов, когда кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов оглашает приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева участникам самаркандской международной встречи.

Высокая оценка, данная в этом приветствии роли миролюбивой прогрессивной общественности, воспринята участниками встречи с огромной благодарностью.

Азиатские страны, где проживает более половины населения земли, долгие годы были объектом агрессивной политики империализма. В Азии постоянно возникали да и сейчас существуют военные конфликты, которые несут беды народам, таят угрозу всеобщему миру.

В перерыве между заседаниями я подошел к представителю Иордании Рифаат Ода и спросил, как он оценивает работу самаркандской встречи.

— Эта встреча проходит под лозунгом «Борьба за мир и безопасность в Азии — насущная задача современности». Вы хорошо знаете, что это не первая встреча, на которой обсуждается эта жгучая тема. День ото дня борьба за мир и безопасность в Азии приобретает все более важное значение. Именно поэтому было необходимо созвать этот форум в нынешней международной обстановке. Можно сказать, что проведение встречи в Самарканде, без всякого сомнения, придает ей особый смысл и значение, так как она проходит на земле азиатской советской социалистической республики.

— Без достижения мира во Вьетнаме,— сказал мне японский представитель профессор Кадзуо Хатанака,— нельзя реально представить себе мир и безопасность в Азии. Поэтому полное одобрение Парижского соглашения и требование его конструктивного осуществления является насущной задачей борьбы на современном этапе.

Кроме деловых заседаний, насыщенная программа форума предусматривала широкое знакомство его участников с хозяйственной и культурной жизнью Узбекистана, встречи с общественностью республики.

После трех дней напряженной работы международной встречи в Самарканде заключительное заседание ее было проведено в Ташкенте. С воодушевлением приняли ее участники обращение к общественности и народам Азии. С трибуны форума было зачитано послание «Народу Советского Узбекистана». Делегаты выразили в нем свою глубокую признательность жителям республики за их гостеприимство, а также свое восхищение успехами трудящихся Узбекистана.

Горячей овацией встретили участники форума предложение послать телеграмму Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу. Единодушным принятием этого письма международная встреча завершила свою работу.

Самарканд — Москва.

В. ДУНАЕВ.
Фото автора.

ДОРОГАМ—БЕЗОПАСНОСТЬ

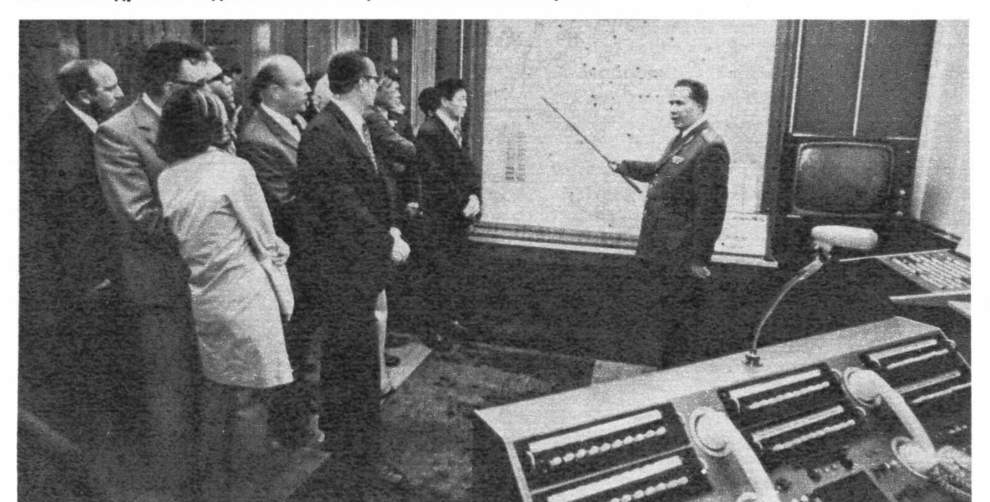
В конце прошлого века на улице одного из американских городов под колесами моторизованной коляски погиб безвестный аптекарь. Он был первой жертвой врывавшегося в жизнь автомобиля. С тех пор число людей, пострадавших в результате так называемых дорожно-транспортных происшествий, растет в такой угрожающей прогрессии, что в некоторых буржуазных странах это явление приняло характер национального бедствия.

Если же учесть, что автомобилей становится все больше, а количество пассажирских и грузовых перевозок непрерывно возрастает, проблемы обеспечения безопасности дорожного движения стали общегосударственными задачами. Вопросам эффективного воздействия на сложный и многообразный процесс дорожного движения посвящено первое консультативное совещание дорожной милиции (полиции) социалистических стран, открывшееся в Москве.

В работе совещания принимают участие делегации Болгарии, Венгрии, ГДР, КНДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии. Главная цель совещания — обмен опытом работы, унификация важнейших положений и нормативов в области обеспечения безопасности дорожного движения. Последнее особенно важно, так как между многими странами — участницами совещания развиваются интенсивные пассажирские и грузовые перевозки. Будет рассмотрен весь круг проблем, так или иначе касающихся безопасности дорожного движения.

Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

Начальник Управления государственной автомобильной инспекции полковник милиции А. П. Ноздряков с делегатами социалистических стран.

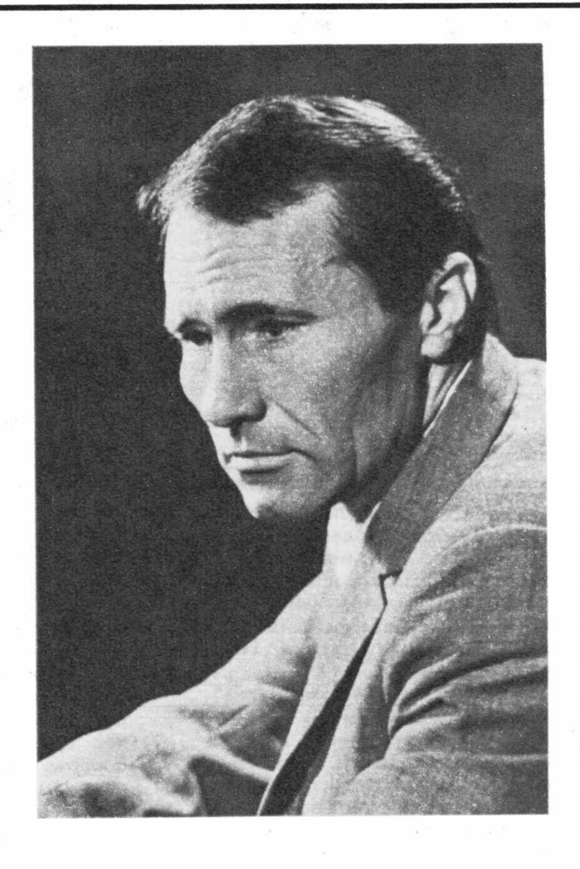

Открытие конференции: справа советская делегация — генерал-майор милиции В. П. Лукьянов, генерал-майор милиции Н. С. Мыриков, полковник милиции И. С. Храпов.

Фото А. Геринаса.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

В эти дни, мысленно все еще прощаясь с Василием Макаровичем Шукшиным,— мы снова и снова поражаемся удивительной разносторонности его таланта. Нельзя не удивляться: актер, режиссер, сценарист, прозаик в одном лице — действительно, наше искусство еще не знало такого поразительного сочетания.

Если бы Василий Шукшин был только актером, только режиссером, только прозаиком, то и тогда, в этом каждом отдельном случае, мы имели бы перед собою выдающееся дарование,— достаточно восстановить в памяти его режиссерскую работу в «Калине красной», актерскую — в «Печках-лавочках» или снова прочесть один из его последних сборников прозы, чтобы убедиться в этом.

Казалось бы, этот человек должен был обладать искусством перевоплощения из одной своей ипостаси в другую, но так только казалось, в действительности же самым высоким искусством его натуры было умение и внутренняя необходимость оставаться самим собою неизменно.

И вот всякий раз, когда мы шли смотреть фильм с его участием, мы встречались не с актером, а с ним самим, с тем самым неизменным Шукшиным, с тем человеком, который есть он.

Мы знаем, что в его руках — весь фильм, что это его сценарий, его режиссура, его исполнение, но сам он этого не знает, не придает этому ни малейшего значения. Он сейчас — никакой не хозяин и не творец фильма, задумавший и воплотивший его с самого начала — от впервые промелькнувшей мысли о нем до самого конца — до монтажа готовой ленты; все это остается «за» — за пределами нашего восприятия, и нам кажется, будто Шукшин не снимается, а кто-то другой снимает его скрытой камерой для того, чтобы спустя час или два он увидел сам себя...

Увидел и сам себя рассудил: так ли, по-человечески ли он поступил? Не обнаружила ли скрытая камера какого-то ложного поступка с его стороны? В том числе какого-то актерского жеста или того экранного выражения лица, с которым миллионными тиражами выходят фотографии и малых и больших кинозвезд?

В любом кадре, в любой сцене Шукшин — это только он, а больше никто. Никому, никогда, ни на одну минуту он не передоверяет самого себя. Равно как никогда, ни у кого и ничего не заимствует.

Существует ситуация, в этой ситуации существует он, Шукшин,— вот и все. Вот ему и предстоит так или иначе поступить, так или иначе решить житейскую проблему и даже не проблему, а повседневную задачу... То ли он, Шукшин, тракторист и со своей женой собирается из своей родной деревни поехать на курорт, то ли еще что, вот и надо решить — как это сделать?

И не искусство подчиняет своим законам это решение, а жизнь в ее реальности подчиняет себе все средства искусства, чтобы выразить себя хотя бы и по этому совсем незначительному поводу. И вот уже на экране — соседи Шукшина, его жена, его дети, его мать. Так и должно быть: все эти люди действительно имеют прямое отношение к поездке своего мужа, отца, сына и соседа.

И — соседа...

Это слово — сосед,— понемногу теряющее свое значение для нас, никогда не теряло его для Шукшина.

На юг от Бийска лежит село Сростки, родина Василия Макаровича.

Сростки — это потому, что здесь сращиваются две дороги — знаменитый Чуйский тракт и малоизвестный большак.

Десятки раз приходилось мне бывать в Сростках, и, должно быть, потому, как только я видел Василия Шукшина на экране или читал его, передо мной вставала картина этого селения на берегу быстрой и сильной Катуни.

И дело тут не в объяснениях, а в чувстве; в том убеждении, что каждая работа Шукшина вышла отсюда, из Сростков, и вернется сюда же, в Сростки, на суровый и нелицеприятный суд ее жителей, соседей Василия Макаровича.

И гордишься, и удивляешься этим Сросткам без конца, и завидуешь им: вот что они оказались способными дать, вот что они способны принять — какой дух, какую нравственность, какую глубину жизни...

Заветной мечтой Василия Макаровича был фильм «Степан Разин», который он хотел поставить по собственному роману того же названия. Поставить и сыграть в нем заглавную роль.

Трудно это себе представить, прямо-таки невозможно, чтобы Шукшин, снова оставаясь самим собою, стал бы в то же время и Степаном Разиным.

Но это нам — невозможно. А вот ему — можно. Потому что — должно: ведь он ощущал задачу как свой долг, как самого себя.

И он — не надо сомневаться — сделал бы это. Достиг. Ведь все, что он написал, сыграл и поставил,— все это сделано им за какие-нибудь десять — пятнадцать лет. А если бы он имел впереди в несколько раз больше? Или хотя бы столько же?!

Так же, как Шукшин без грима играл, так же без грима он и писал.

И тут тоже присутствовала скрытая камера, только теперь она была направлена не на него, а им на кого-то другого.

И в литературе ее собственные понятия — сюжет, фабула, завязка, кульминация — как бы не существовали для него, все это заменялось одним понятием жизни, и даже не понятием, а ею самой.

Ею самой, выраженной в характерах и ситуациях, в нравственных ее началах, поскольку без них искусство — не искусство, литература — не литература, да и сама жизнь — тоже не жизнь. У него не было ни тени умиления или заискивания перед своими героями. Больше того, он был суров в отношении к ним той суровостью, которая неизбежна, если писатель очень хорошо знает людей, если он очень хочет, страстно желает, чтобы не только им было лучше, но чтобы они сами тоже были лучше.

И его герои никогда не обижались на него за это. Иначе говоря, они всегда оставались достоверными и, выполняя роль героев и действующих лиц, оставались живыми людьми.

И, как сказал Василий Шукшин в последней строке одного из последних своих напечатанных произведений, он всегда ставил перед ними вопрос: «... что с нами происходит?»

Шукшина больше нет.

Тяжела утрата.

Тот художник, которым он был — долгие годы будет изучаться, будет внимательно рассматриваться.

То, что создано им, создано не на сегодня — на многие годы и времена.

Но сегодняшняя утрата, такая неожиданная, такая несправедливая — безмерно тяжела.

Сергей ЗАЛЫГИН

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...

Если бы Николаю Озерову поручили провести репортаж шестой партии матча А. Карпов — В. Корчной, он его начал бы, наверное, так:

«Идет напряженная, острая борьба... Какой накал страстей!.. Напомню, что Анатолий Карпов после победы над Львом Полугаевским заявил: «Я никого не боюсь и буду играть на выигрыш и со Спасским. Играть с Корчным будет нелегко, но если доберусь до Фишера, то и с ним буду играть на выигрыш». Да, такой характер у Карпова!.. Но не менее боевой характер и у Корчного. В интервью моему югославскому коллеге Корчной заявил: «В шахматах никого не боюсь. Боюсь только зубного врача».

В пресс-центре много маститых гроссмейстеров. Здесь и старший тренер Карпова — Семен Фурман и старший тренер Корчного — Вячеслав Оснос. Ничего не скажешь, волнуются тренеры! Еще бы! И для них матч — большая нервотрепка.

Слева от меня видавший шахматные виды гроссмейстер Александр Котов. Он мне подсказывает: раз Корчной занял типично корчновскую позу, то может основательно подумать — минут этак 30—45. Ну что же, хорошо, пусть подумает! А я воспользуюсь этой паузой и попрошу нашего режиссера показать нам первый тайм матча между командой Тиграна Петросяна —«Спартаком» и командой Анатолия Карпова — «ЦСКА».

Внимание! Корчной сделал ход. Как многие и ожидали, он ушел королем в правый угол. Надвигается цейтнот! Нет, цейтнот не то слово. На 25 ходов у Корчного 10 минут! Это рекорд! Да, но кому нужны такие рекорды?.. Что творится на сцене! Какой темп! Наш оператор даже не успевает повторять сделанные ходы. Вот это темп. Ничего не скажешь... Все! Сирена! Нет, простите, не сирена, флажок на часах Корчного упал, и Келли, главный арбитр матча, засчитывает Корчному поражение. Все правильно. Все в рамках правил. Счет 2:0 в пользу Карпова. На этом мы заканчиваем наш репортаж. Он был организован отделом спорта Всесоюзного радио и Центрального телевидения. Вел репортаж Николай Озеров».

Ну что ж, Николай Озеров правильно осветил ход борьбы, и мне остается добавить немного.

Для того, чтобы понять непонятное из шестой партии, необходимо вспомнить события, происшедшие в пятой встрече. Это была самая боевая, самая содержательная партия матча. В ней Карпов находился на грани поражения. Если бы Корчной выиграл эту партию — а явный выигрыш он имел на 39-м ходу,— то счет стал бы равным. Победа означала бы многое для Корчного. Ведь известно, что ничто так не радует шахматиста, как победа, и так не расстраивает его, как неиспользованная выигранная позиция. Находясь именно в таком настроении, Корчной очень нерешительно, явно ниже своих возможностей провел шестую партию, а Карпов отлично использовал промахи противника и добился второй победы.

Третья неделя принесла три рядовые ничьи. В двух Корчному с трудом удалось достичь ничейной гавани, в девятой встрече гроссмейстеры построили баррикады, преодолеть которые не смогли.

При счете 2:0 ничья Карпова вполне устраивает, ведь каждая новая ничья — шаг к цели. Но это отнюдь не означает, что Карпов стал играть только на ничью. А Корчному при создавшейся ситуации ничьи ничего не дают. Его устраивает только выигрыш. Но как победить Карпова?

Немного о дебютной подготовке участников матча. Корчной, играя белыми, все партии начинал своим любимым ходом 1. c2—c4. Больших доходов это ему не принесло! У Карпова другой вкус, другой творческий подход. Он неравнодушен к королевской пешке и систематически начинает игру 1. e2—e4. Эта пешечка «е» причиняет Корчному много хлопот. Два раза Корчной вел с Карповым диалог на французском языке. Беседы закончились мирно — вничью.

Хорошо известно, что за последнее время ведущие шахматисты мира — Р. Фишер, А. Карпов, Б. Спасский, М. Таль и другие — успешно применяют открытые начала. Неужели классический ход «е4» является самым «страшным», самым сильным? Так ведь считали примерно 100 лет тому назад!

Если первый ход Карпова и Корчного можно угадать заранее, то это вовсе не означает, что их дебютный репертуар узок. Оба гроссмейстера в применяемые ими варианты вносят свои поправки, улучшения — иногда, так сказать, на ходу. Поэтому почти в каждой партии мы наблюдаем в дебюте смену декорации. Все это хорошо, но читателя все же больше интересуют спортивные итоги. Чем же матч закончится, что будет дальше? Можно ли считать, что Карпов уже победил, что Корчной уже сломлен? Нет, так считать рановато.

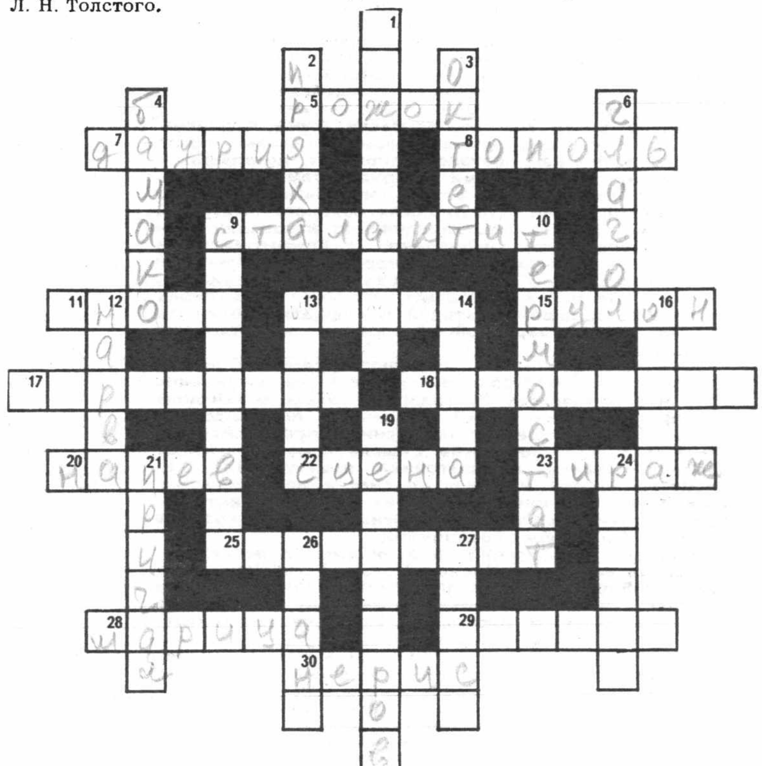
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Народный духовой инструмент. 7. Роман К. Седых. 8. Лиственное дерево. 9. Известковый нарост на своде пещеры. 11. Малая планета. 13. Набросок чертежа, рисунка. 15. Цилиндрический сверток. 17. Озеро в Казахстане. 18. Птица отряда воробьиных. 20. Мелодия, мотив. 22. Театральные подмостки. 23. Количество экземпляров печатного издания. 25. Спортивное соревнование. 28. Оперетта И. Кальмана. 29. Испанский танец. 30. Латышская писательница.

По вертикали:

1. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Бесприданница». 2. Русская народная песня. 3. Ансамбль из восьми исполнителей. 4. Столица Республики Мали. 6. Часть речи. 9. Русский литератор XIX века. 10. Аппарат, в котором поддерживается постоянная температура. 12. Город в Эстонии. 13. Соцветие растения. 14. Действующее лицо драмы А. П. Чехова «Три сестры». 16. Горная порода, богатая кремнеземом. 19. Выдающийся советский химик. 21. Сооружение в порту. 24. Оборотная сторона монеты или медали. 26. Река на Урале. 27. Рассказ Л. Н. Толстого.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 4. «Отрочество». 8. Бодайбо. 9. Актиний. 11. Гамзатов. 17. Ярмарка. 18. «Западня». 19. Луцк. 20. «Чародейка». 21. Антоновка. 22. Крон. 23. Портрет. 25. Конопля. 27. Ставрида. 32. Матрица. 33. Атласов. 34. Мотороллер.

По вертикали: 1. Топаз. 2. Болид. 3. Околица. 5. Рубка. 6. Токио. 7. Трибуна. 10. Баркарола. 12. Моллакара. 13. Тосканини. 14. Фуникулер. 15. Скрепер. 16. Паводок. 24. Терраса. 26. Осокорь. 28. Тацит. 29. Дятел. 30. Брамс. 31. Лаура.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Берлин, 5 октября 1974 года.
Фото А. Награльяна.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Эти кадры сделаны в ГДР специальным корреспондентом «Огонька» А. Награльяном накануне 25-летия республики.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 23/IX — 1974 г. А 00645. Подписано к печ. 8/X — 1974 г. Формат 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2453. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2814.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В. ВИКТОРОВ.
Фото Г. РОЗОВА.

Представьте себе такую сцену: идет совещание канадских хоккеистов перед очередным выступлением в Лужниках. Выступает тренер команды Билли Харрис:

— Итак, друзья, тактический рисунок игры нам ясен. Остается уточнить последний вопрос: кого мы назначим дежурным грубияном?

Голос. Маккензи!

Харрис. Ну вот, опять Маккензи! Это не оригинально. Надо же подумать о наших туристах. Они нам не простят однообразия. Нет, Маккензи свое отгрубил еще в Канаде. Да и в первой московской игре он уже посидел на штрафной скамье. Прошу выдвигать другие кандидатуры.

Голос. Бобби Халл! Он пока у нас паинька.

Харрис. Нет, нет. Амплуа Бобби не будем менять.

Голос. Ну тогда пусть погрубит Стэплтон.

Харрис. Неудобно, все же капитан... Вот что, поручим скандальчик Рику Лэю!

...Да простит нам симпатичный, коррентный, лояльный Билли Харрис. Конечно, вся эта сцена — плод нашего воображения, но то, что в каждом матче московской серии у канадцев был свой грубиян, — это же факт. Если в первой игре канадцы только примеривались, то во второй вовсю развернулся, как известно, Рик Лэй, в третьей отличился сам Джерри Чиверс, попытавшийся перерубить шайбонепробиваемое стекло судейской кабины своей вратарской клюшкой, а в последнем матче засверкал всеми гранями грубости Джим Хэррисон.

И вот еще одна примечательная деталь: после второго матча наш фотокорреспондент, возвращаясь в машине с канадскими журналистами, слышал, как они сокрушались о том, что было маловато пролито кровушки. Это-то после сольного выступления Лэя. Ну что же, не случайно канадских профессионалов часто сравнивают с древнеримскими гладиаторами. Видимо, гладиаторские эффекты так глубоко въелись в плоть и кровь мастеров клюшки, что они не могут отказаться от них, хоть перед встречами с нашей командой и обещали соблюдать правила Международной федерации любительского хоккея.

Увы, из хода восьми игр многочисленных эпизодов жестокой, необузданной грубости не выкинешь, хоть нам и хотелось бы говорить только о высоком мастерстве наших гостей. Различных происшествий хватало и во встрече с канадскими профессионалами в 1972 году, но в этом смысле команда «Канада-74», пожалуй, перещеголяла команду НХЛ. И, несмотря на это, канадцы не смогли надломить наших ребят, нарушить манеру их игры, подавить их волю к победе. Советские хоккеисты умело играли в пас и не сдали перед грубиянами.

Особенно характерна в этом смысле последняя, четвертая встреча в Москве. Старший тренер нашей сборной Борис Кулагин значительно обновил состав команды, и мы не увидели на льду Владислава Третьяка, Валерия Васильева, Геннадия Цыганкова, Бориса Михайлова, Владимира Петрова, Юрия Лебедева, но их уверенно заменила молодежь и не спасовала перед многоопытными профессионалами, которые сделали все, что могли, для того, чтобы закончить последнюю встречу в свою пользу.

Нет, все же в хоккее победу приносит мастерство, а не драки. Как было бы хорошо для дальнейшего расцвета этой великолепной игры, если бы канадцы, которые уже не считают зазорным учиться у европейских хоккеистов, сделали бы для себя надлежащие выводы из следующего непреложного факта: хоккеисты СССР выиграли у команды «Канада-74» четыре матча, три матча закончили вничью и лишь один проиграли. В московской серии канадцам не удалось добиться ни одного успеха, хоть и просидели они на скамье штрафников 90 минут.

«Хоккей — опасная работа»,— сказал Горди Хоу. Так зачем же делать ее еще более опасной?

1

Вихри атак у ворот советской сборной.

2

На скамье советской сборной — Александр Гусев, Борис Кулагин, Валерий Васильев, Борис Михайлов и Геннадий Цыганков.

3

Атака на ворота Джерри Чиверса. Марк Хоу сносит Александра Якушева.

4

Тренер «Канады-74» Билли Харрис недоволен.

5

Ветеран канадского хоккея Горди Хоу атакует ворота Владислава Третьяка.

6

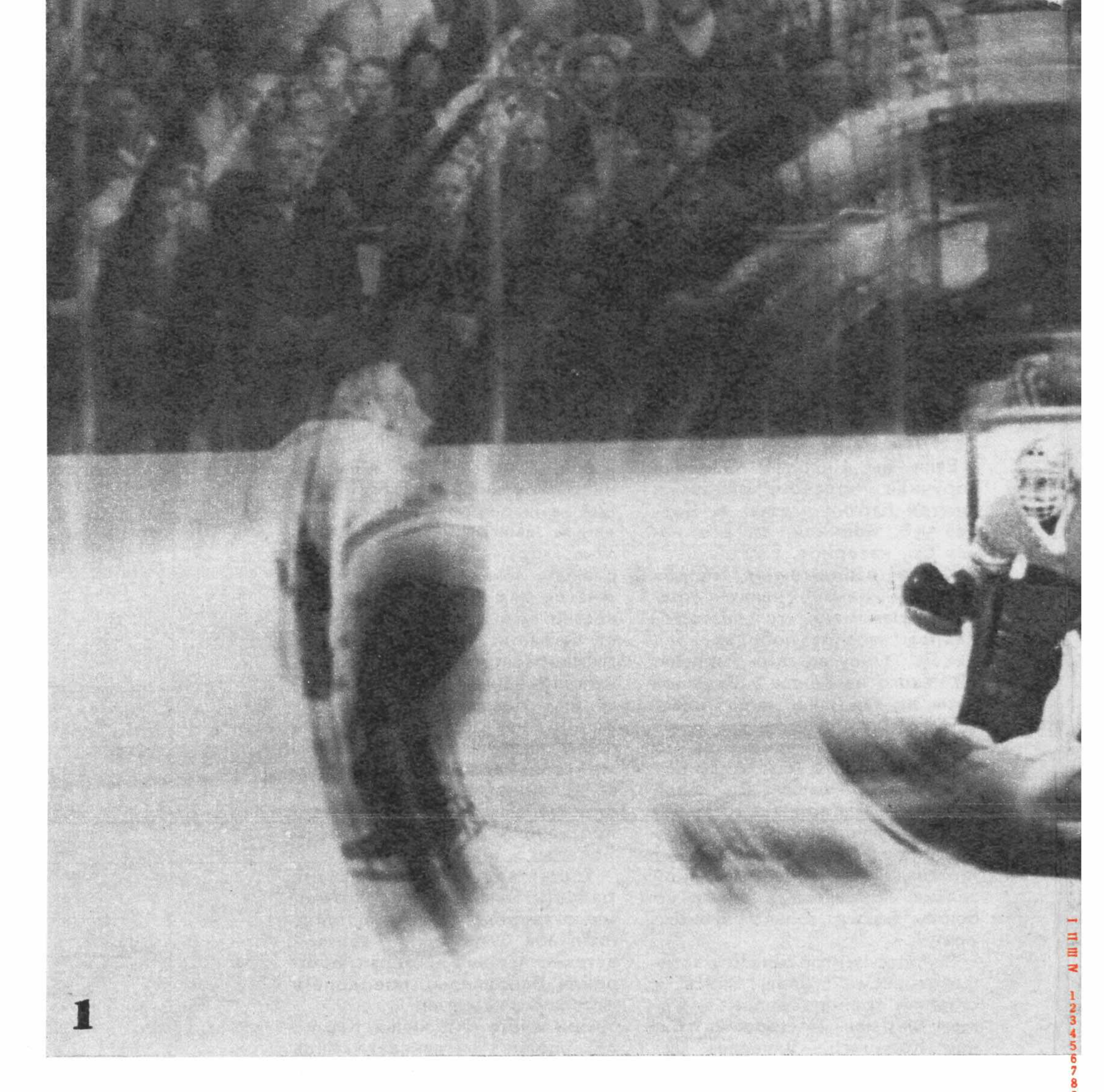
Конфликт после окончания второго матча.

7

Валерий Харламов проводит шайбу.

8

Диспут с судьями правилами не установлен.

1

ПОБЕД

2

А-НАША!

3

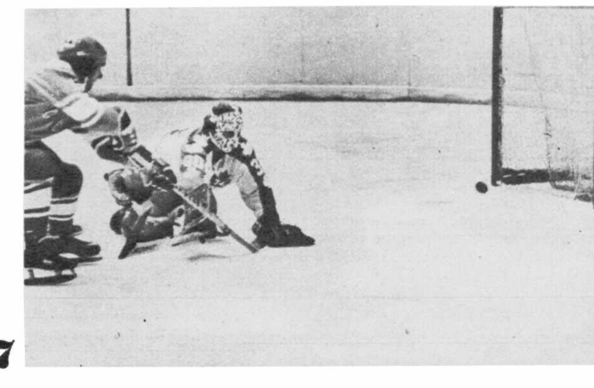
4

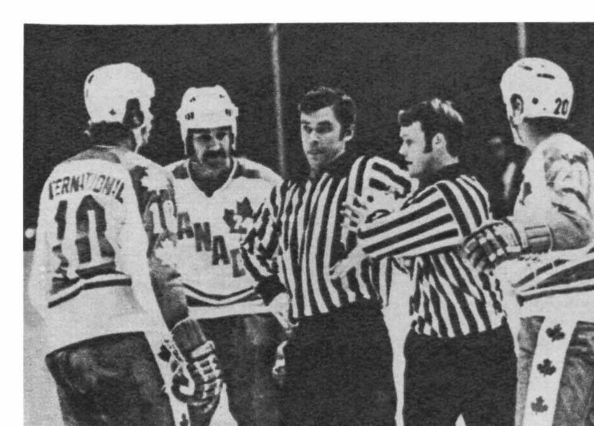
5

6

7

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663